

НИКОЛАЙ ГЛАЗКОВ

НИКОЛАЙ
ГЛАЗКОВ

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

НИКОЛАЙ ГЛАЗКОВ

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

Москва

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1979

P2
Г52

Предисловие
Н. Старшинова

Оформление художника
И. Гирель

Г $\frac{70402-224}{028(01)-79}$ 89-79

© Предисловие, состав.
Издательство «Художественная литература», 1979 г.

НЕОБЫЧНОСТЬ ОБЫЧНОГО

Имя Николая Глазкова и его лучшие стихи особенно хорошо известны любителям поэзии — их помнят, читают, цитируют... Действительно, поэт он удивительный и своеобразный, хотя в его книгах могут соседствовать стихи глубокие и неповторимые, свидетельствующие о незаурядном таланте, и стихи легковесные, лежащие на поверхности, которые не спасает даже та подкупающая наивность, делающая лучшие из них именно «глазковскими».

Существует мнение, что о поэтах надо судить по высшим их достижениям, и, на мой взгляд, оно справедливо. Глазков любит выявлять необычное в обычном. Его лирический герой может совершать в стихах, казалось бы, алогичные поступки, парадоксально говорить и мыслить. Но при всей этой необычности поэт постоянно

остается в них самим собой — добрым, простым, естественным. Стремление к этому он неоднократно подчеркивает:

Искусство бывает бесчувственным,
Когда остается искусственным,
А может стать сильным и действенным:
Искусство должно быть естественным!

У Николая Глазкова есть прямое поэтическое заявление о том, что и доброте, и естественности, и совершенству — в их поэтическом отражении — он учится у природы, — она для него и образец, и наставник:

За добротой побрел в леса,
Туда, где благодушны воды,
Радужны лиственные своды,
Разумны птичьи голоса.

.

Не для тщеславной чепухи,
Не ради позы или жеста
Она должна войти в стихи
И сообщить им совершенство!

Стремясь быть естественным и правдивым, поэт нередко говорит о себе и своей судьбе не только с нескрываемой иронией, но и с прямоотой, на которую не всякий отважится:

Я сам себе корежил жизнь,
Валяя дурака.
От моря лжи до поля ржи
Дорога далека.

И пусть подобные признания давались нелегко, зато эта откровенность делает стихи особенно достоверными. Она сближает поэта с читателем, а самому поэту помогает достичь совершенства:

Но хорошо, что солнце жжет,
А стих предельно сжат,
И хорошо, что колос желт
Накануне жатв.

Николай Иванович Глазков родился в 1919 году в городе Лысково Горьковской области, на Волге. В 1923 году семья Глазковых переехала в Москву. Здесь он учился в средней школе, а затем в Литературном институте имени Горького. Во время войны Глазков окончил Горьковский педагогический институт и преподавал в селе Никольском русский язык и литературу. В стихах «Волгино Верховье» он говорит о природных истоках реки и о тех человеческих истоках, которые на много лет вперед определяют жизнь человека, его судьбу, его предназначение:

Юность развернется на просторе,
Делается сильным человек.
Так течет до синего до моря
Волга, забирая воды рек.

Судьба сложилась так, что Николай Глазков по состоянию здоровья не был непосредственным участником Великой Отечественной войны. Но ее трагические и радостные дни вошли в его биографию от самого начала до торжественных победных дней («Был легковерен и юн я...» — 1941, «Эпилог» — 1945). Стихов о войне написано им немного, но поэт постоянно возвращался и возвращается к тем суровым дням («За новое счастье!», «Песня трубача» и др.). Чаще всего это стихи о человечности и опять же о доброте:

На столе много разной закуски и хлеба,
Апельсинов, пирожных, конфет и вина...
Если б мог я взлететь в тридевятое небо
И отправиться в прошлые времена!..

Но «отправляется в прошлые времена» он не просто ради воспоминаний, а для того, чтобы помочь людям перенести житейские трудности, чтобы в тяжелую пору сорок второго года принести им радость:

Я созвал бы друзей самых лучших и милых,
На себе испытавших тяжелые дни.
Я продуктами этими всех угостил их,
Так что были бы мною довольны они.

Первый сборник стихотворений Николая Глазкова «Моя эстрада» вышел в свет в 1957 году в Калининском книжном издательстве. Настоящее издание, подводящее итог сорокалетней деятельности поэта, является его двенадцатой книгой.

Немало сил и времени отдал он переводам с языков народов СССР, особенно стихам якутских и армянских поэтов.

Глазков много ездил по стране. Он бывал не только в средней полосе, но часто отправлялся и в Якутию, и к Тихому океану, и в Прибалтику, и в среднеазиатские республики. Добрую половину этой книги составляют стихи о его поездках. Уже сами названия говорят об этом: «Старый Тамбов», «Хохлома», «Ленский закат», «Якутск», «История города Комсомольска», «Сосны Рижского залива», «Первое знакомство с Казахстаном» и многие другие.

Поэта интересует не только природа, но и история этих мест, быт народа, характеры первых землепроходцев, их самоотверженность, преданность своему делу, которое они вершили во славу родины:

Снег, который в июне пойдет,
Отличается злобою зверской...
Для чего свой безумный поход
Продолжает чахоточный Черский?

Мужество наших предков, их бескорыстное и беззаветное служение народу, науке, интересам отечества проходит через всю книгу. В ней немало стихов по-настоящему гражданских, патриотических, повествующих о самых больших и волнующих событиях.

Открываем стихотворение «У памятника латышским красным стрелкам»:

Во всех краях земли
Дрожали беляки,
Когда в атаку шли
Латышские стрелки.
Свой чуяли разгром
Противника полки
При имени одном:
«Латышские стрелки»!

Стихи посвящены ответственной теме — бесстрашной защите революции, ее завоеваний. Они чеканны, как шаг стрелков, и столь же мужественны. Многие из них написаны добротной, с точным ощущением времени и характера происходящих явлений.

Наиболее самобытно черты поэтического лица Николая Глазкова проявились в стихах, связанных с его биографией, с подробностями его жизни. И здесь самые высокие удачи приходят к поэту в редком и трудном жанре иронической лирики. Стихи, относящиеся к этому жанру, построены, как правило, на парадоксальном сочетании смешного и трогательного, сложного и примитивного. Тонкие и чистые чувства неожиданно сопровождаются улыбкой, в которой, однако, всегда есть доля иронии. При этом почти невозможно уловить, где поэт говорит серьезно, а где шутит. Сам он точнее всего сказал о такого рода складе поэзии в «Гимне клоуну»:

Я поэт или клоун?
Я серьезен иль нет?
Посмотреть если в корень,
Клоун тоже поэт.

Он силен и спокоен,
И серьезно смышлен —
Потому он и клоун,
Потому и смешон.

Трудно в мире подлунном
Брать быка за рога.
Надо быть очень умным,
Чтоб сыграть дурака.

В свете этих строк становятся понятнее его стихи «Ворон», «Волшебник», «Ты, как в окно...», «За мою гениальность!..», «Тапочки», «О литературных влияниях». Например, стихотворение «За мою гениальность!..» для человека, лишенного чувства юмора, может прозвучать как самовосхваление, как нескромность. Оно и могло бы так восприниматься, если бы поэт не отметил эти строки грустной самоиронией:

Как великий поэт
Современной эпохи
Я собою воспет,
Хоть дела мои плохи.

В неналаженный быт
Я впадаю, как в крайность...
Но хрусталь пусть звенит
За мою гениальность!..

Да, не будь здесь горького «я собою воспет, хоть дела мои плохи», строки эти могли бы прозвучать, как стихи самовлюбленного зазнайки и походили бы на вирши тех поэтов, которые всерьез могут заявлять о своей поэтической исключительности.

Удивительны по своей чистоте, по пронзительности чувства стихи «Это было на озере Се-

лигер» и «Боярыня Морозова». Ироническая тональность этих вещей только подчеркивает силу и первозданность чувства, его открытость и незащищенность:

На платформе мы. Над нами ночи черноть,
Прежде, чем рассвет прольется розовый.
У тебя такая ж отреченность,
Как у той боярыни Морозовой.

Милая, хорошая, не надо!
Для чего нужны такие крайности?
Я юродивый Поэтограда,
Я заплачу для оригинальности...

Стихи эти, как мне кажется, можно отнести к значительным достижениям нашей лирики, к наиболее своеобразным ее проявлениям.

Сила поэзии Николая Глазкова — в естественности его стихов, в доброте помыслов самого поэта, в мудрой его наивности, в обнаженности души, в кажущейся ее беззащитности, которая, однако, этим и защищена от корысти, ханжества и всего того, что несовместимо с настоящей поэзией.

Николай Старшинов

СТИХИ

* * *

Люди бегут на лыжах,
Желая кому-то добра.
Налет на цинковых крышах
Солнца и серебра.
Так летá пролетали...
Хотелось хорошего мне б!
Но цинком струит планетарий
Изнанку каких-то неб.

Смотрит на город витрина,
Не холодно ей, ни тепло.
Похоже на паутину
Треснутое стекло.
Загромождено мелочами
Теченье большого дня.
Люди не замечают
Ни мелочей, ни меня.

Если добратсья до истин,
Ни одна трава не сорняк:
Пусть бесполезны листья,
Значит, польза в корнях!..
Много стихов сочинил я
Про то, как жизнь хороша.
Пальцы мои в чернилах,
Пальцы, а не душа!

1938

Ворон

Черный ворон, черный дьявол,
Мистицизму научась,
Прилетел на белый мрамор
В час полночный, черный час.

Я спросил его: — Удастся
Мне в ближайшие года
Где-нибудь найти богатство? —
Он ответил: — Никогда!

Я сказал: — В богатстве мнимом
Сгинет лет моих орда.
Все же буду я любимым? —
Он ответил: — Никогда!

Я сказал: — Невзгоды часты,
Неудачник я всегда.

Но друзья добьются счастья? —
Он ответил: — Никогда!

И на все мои вопросы,
Где возможны «нет» и «да»,
Отвечал вещатель грозный
Безутешным: — Никогда!..

Я спросил: — Какие в Чили
Существуют города? —
Он ответил: — Никогда!..—
И его разоблачили.

1938

Моим друзьям

В силу установленных привычек
Я играю сыгранную роль:
Прометей — изобретатель спичек,
А отнюдь не спичечный король.
Прометей не генерал, а гений,
Но к фортунным и иным дарам
По дороге, признанной и древней,
Мы идем, взбираясь по горам.

Если даже есть стезя иная,
О фортунных и иных дарах
То и дело нам напоминает
Кошелек, набитый как дурак.
У него в руках искусства залежь,
Радость жизни, вечная весна,
А восторжествует новизна лишь,
Неосознанная новизна.

Славен, кто выламывает двери
И сквозь них врывается в миры,
Кто силен, умен и откровенен,
Любит труд, природу и пиры.
А не тот, кто жизнь ведет монаха,
У кого одна и та же лень...
Тяжела ты, шапка Мономаха,—
Без тебя, однако, тяжелей!

1940

* * *

Был легковерен и юн я,
Сбило меня с путей
Двадцать второе июня —
Очень недобрый день.

Жизнь захлебнулась в событиях,
Общих для всей страны,
И никогда не забыть их —
Первых минут войны!..

1941

Дорога далека

Я сам себе корежил жизнь,
Валяя дурака.
От моря лжи до поля ржи
Дорога далека.
Вся жизнь моя такое что?
В какой тупик зашла?
Она не то, не то, не то,
Чем быть должна!

Жаль дней, которые минуют,
Бесследьем разозля,
И гибнут тысячи минут
Который раз зазря.
Но хорошо, что солнце жжет,
А стих предельно сжат,
И хорошо, что колос желт
Накануне жать.

А телеграфные столбы
Идут куда-то вдаль.
Прошедшее жалеть стал бы,
Да прошлого не жаль.
Я к цели не пришел еще,
Идти надо века.
Дорога — это хорошо,
Дорога далека!

1942

Другу

Пусть жизнь трудна,
Пускай бедна,
Счастливей мудреца тупица.
Вода настолько холодна,
Что невозможно утопиться!

Пускай, греша
Из-за гроша,
Ты должен всюду торопиться.
Но жизнь настолько хороша,
Что невозможно утопиться!

1943

Два стихотворения

1

Ища постоянного, верного,
Умеющего приласкать,—
Такого, как я, откровенного,
Тебе все равно не сыскать.

Ищи деловитого, дельного,
Не сбившегося с пути,—
Такого, как я, неподдельного,
Тебе все равно не найти!

2

Огромный город. Затемнение.
Брожу. Гляжу туда-сюда.
Из всех моих ты всех моейнее,
И навсегда.

Как только встретимся, останемся,
Чтоб было хорошо вдвоем,
И не расстанемся, и не состаримся,
И не умрем!

1944

Эпилог

Рур ликовал,
Наступал на Урал,
Грыз наш металл,
Как бур.
Прошла та пора,
Грохочет «ура»,
Урал поломал
Рур!

1945

Слово

Слово — мир особый и иной,
Равнозначный названному им.
Если слово стало болтовней,
Это слово сделалось плохим.

Это слово пагубно стихам,
Это слово — дом, который сгнил.
Лучше бы его я не слышал,
Не читал, не знал, не говорил!

1945

* * *

Не размышляя о потомках
(Им будет легче, нам трудней!)
Мы растворяемся в потоках
Текущих дел бегущих дней.

Настанет день — не станет ночи,
Настанет ночь — не станет дня.
Так жизнь становится короче
Для всех людей и для меня.

Но проживу чем больше дней я,
Тем лучше зазвонит строка.
Так жизнь становится длиннее
И глубже: так же, как река!

1945

* * *

Это было на озере Селигер
В тридцать пятом году,
И как будто к кому-то другому, теперь
Я к бывшему себе подойду.

Тиховодная гладь, байдарка и прочее...
Впрочем, молодость хуже, чем старость.
А была очень умная лунная ночь,
Но дураку досталась.

Эта ночь сочетала прохладу и зной.
Тишь. Безлюдье. В байдарочном ложе я.
И чудесная девушка вместе со мной,
Изумительная, хорошая.

А вокруг никого, кто б меня был сильнее,
Кто бы девушку мог увести.

И я знал, что очень нравился ей,
Потому что умел грести.

А грести очень я хорошо умел,
Но не ведал, что счастье так просто.
А весло ощутило песчаную мель
И необитаемый остров.

Эта ночь не моя, эта ночь его —
Того острова, где был привал.
А вокруг никого, а я ничего:
Даже и не поцеловал!

И такие волшебные звезды висят!..
Вместе с девушкой на берегу я.
И я знал, что ее упускать нельзя,
Незабвенную, дорогую...

Мне бы лучше не видеть ночью ее,
А бродить одному по болотам.
А вокруг никого, а я ничего...
Вот каким я был идиотом!

Боярыня Морозова

Несуразность этой параллели
Пусть простят мне господа философы.

Помнишь, в Третьяковской галерее
Суриков — «Боярыня Морозова»?

Правильна одна из двух религий,
И раскол уже воспринят родиной.
Нищий там, и у него вериги,
Он старообрядец и юродивый.

Он аскет. Ему не надо бабы.
Он некоронованный царь улицы.
Сани прыгают через ухабы,—
Он разут, раздет, но не простудится.

У него горит святая вера,
На костре святой той веры греется

* * *

От ерунды зависит многое —
И, верный милым пустякам,
Готов валяться я у ног ее
Из-за любви к ее ногам.

Она, единственная самая,—
Душе живительный бальзам,
Лишь на нее глядят глаза мои
Из-за любви к ее глазам.

1947

Кольцо

(Эфиопская шутка)

Серый волк придушил овцу,
Но недолго жилось стервецу:

Резвый конь стукнул волка копытом —
И упал волк с хребтом перебитым.

Лев голодный бродил по оврагу,
Растерзал он беднягу-конягу.

Но охотник, отважный и ловкий,
Льва сумел подстрелить из винтовки.

Не считаясь с умом и талантом,
Укусил зверолова тарантул.

И овца, что шаталась без дела,
Вместе с травкой тарантула съела.

Но не видно конца кольцу:
Серый волк придушил овцу.

1947

Первое знакомство с Казахстаном

Не росли ни яблони, ни липы,
Потому что не было воды.
Началась потом дорога Рыбы
У Аральского и Кзыл-Орды.

Рыбок полосатых и усатых
Пассажирам продавали тут.
На полупустынных полустанках
Слышал я, колеса как поют.

Ночь прошла — безводная пустыня
Засияла солнцем и водой.
Началась тогда дорога Дыни
Или показалась мне такой.

Шумные арыки неустанно
Отражали знойные лучи.
На холмах зеленых Теплостана
Круглые росли карагачи.

1947

Ташкент 1947 года

Как жара и холод, свет и тьма,
Город резко надвое расколот.
Если посмотреть на все дома:
Старый город там и новый город.

Новый город, словно довод веский
Супротив экзотики багдадской.
Может быть, он средневропейский
Больше, нежели среднеазиатский.

Вызывали у меня доверье
Новые арыки, стены, крыши
И великолепные деревья,
Те, что этажей седьмых повыше.

И совсем, совсем иного сорта
Старый город глиняной глуши:
Не для красоты и не для спорта
На глазах у женщин паранджи!

1947

* * *

Рыба преисполнена доверья
К рекам непочатой глубины.
Рыба любит хвойные деревья
Под навесом теневой волны.
Рыба любит клен, березу, липу
И сквозь листья — кружево небес.

Всякий человек, кто любит рыбу,
Должен полюбить зеленый лес!

1948

* * *

Я не люблю, когда слова цветисты
И строчки перманентно завиты,
И облака плывут, как аметисты,—
Все это лишь бумажные цветы.

Не тот поэт, пронырлив кто и ловок
И норовит продать скорее стих,
Но точности простых формулировок
По формулам природы не постиг.

1948

Белинский

Растет на тротуарах лебеда.
Лик белокаменной Москвы спокоен:
Вокруг пасутся тучные стада,
Слетают стаи галок с колоколен.

Спешат студенты в университет,
Люд разночинный и мелкопоместный...
Один недоучившийся студент
Живет на чердаке в каморке тесной.

Как землю новую, он открывает стих,
Не посчитавшись с мнением эрудитов.
Пред Пушкиным ничтожен Бенедиктов,
И Кукольник нисколько не велик.

Не всякий, кто сегодня знаменит,
И завтра сохранит свою известность.
Не всякая печатная словесность,
Как колокол во времени, звенит!

1948

Волшебник

Человек, достойный вполне
Аплодисментов всех,
Пришел в ресторан и пошел по стене
Вверх.

Потом прошелся несколько раз
По потолку, не падая вниз,—
И люди, великому чуду дивясь,
Научно его объяснить не брались.

А впрочем, резво о гравитации
Заговорили два знатока,
Когда человек, достойный овации,
Спустился по стене с потолка.

Сидела женщина у окна,
В обычное платье одета,—
И к ней он направился, ибо она
Его вдохновила на это!

1949

Вступление в поэму

Или так начинается повесть,
Или небо за тучами синее...
Почему ты такая?.. То есть
Очень добрая и красивая.
Почему под дождем я мокну,
Проходя по затихшим улицам
В час, когда беспросветным окнам
Непрестанно приходится хмуриться?

Никого нет со мною рядом
На пустынном мосту Москва-реки,
Лишь бросают мне взгляд за взглядом
Электрические фонарики.
Не имею ста тысяч пускай я,
Но к чему эти самые ребусы?
Почему я тебя не ласкаю
В час, когда не идут троллейбусы?

Эта мысль, хоть других не новее,—
Непреложная самая истина,
Ибо если не станешь моею,
То поэма не будет написана,
А останется только вступленье...
Надо быть исключительной душой,
Чтоб такое свершить преступленье
Перед отечественной литературой!

1949

Поэт и милиционер

Один поэт, издав свой сборник,
Резвиться начал, словно школьник,
И так беспечно загулял,
Что даже паспорт потерял.

О паспорте своем скорбя
И обвиняя сам себя,
Скитался он, подобно тени,
В московском метрополитене,
Где, вероятно, просто с горя
В тот миг, когда бел свет не мил,
Он вынул пачку «Беломора»
И машинально закурил.

И первый милиционер
От ужаса оцепенел
И, головою покачав,
Сказал ему: — Платите штраф
И предъявите документ!

Ни паспорта, ни денег нет,
Но в тот решительный момент
Свой сборник вытащил поэт
И с гордостью сказал: — Я сам
Вот эту книгу написал!

— А как докажете вы это?..
Был очень прост ответ поэта:
— Стихи, что в этой книге есть,
На память все могу прочесть!

Услышав похвальбу такую,
Сержант милиции, ликуя,
Подумал: «С ним я потолкую!
Пускай прочтет, собьется пусть!..»
Но с титула до оглавления
Поэт, достойный удивленья,
Все строчки помнил наизусть.

Тогда сержант сказал: — Ступайте
И больше так не поступайте!

* * *

На ветках крохотных берез
Сверкал пушистый иней.
Сорокаградусный мороз
Стоял над речкой синей.
И цвета синего стекла
Вода, зимы не зная,
Неутомимая текла,
Текла не замерзая.

Казалось, что сошла с ума
Вся водная природа.
Стояла финская зима
Сорокового года.
Бил пулемет. Вода — не лед,
Река была преградой.
Но вот один отважный вброд
На пулемет — с гранатой!

А снег белел, и ветер был
Над ледяной горою
И ничего не говорил
О подвиге героя.
Неугомонная вода
Текла не умолкая,
Не понимая, что звезда
Восходит золотая!..

1951

Мужик

Москва. Декабрь. Пятьдесят первый год.
Двадцатый, а не двадцать первый век.
Я друг своих удач и враг невзгод
И не всегда везучий человек.

А за окном обыкновенный снег.
Его бы мог сравнить я с серебром.
Зачем? Я простоватый человек,
Который платит за добро добром.
Который понимает, что зимой
Снег популярен — потому воспет.
А я предпочитаю летний зной
И вешних яблонь белоснежный цвет.

Мне счастье улыбалось иногда,
Однако редко: чаще не везло,

Но я не обижался на года,
А возлюбил поэта ремесло.
Чтоб так же, как деревья и трава,
Стихи поэта были хороши,
Умело надо подбирать слова,
А не кичиться сложностью души.

Я к сложным отношениям не привык.
Одна особа, кончившая вуз,
Сказала мне, что я простой мужик.
Да, это так, и этим я горжусь.
Мужик велик. Как богатырь былин,
Он идолиц поганых разгромил,
И покори́л Сибирь, и взял Берлин,
И написал роман «Война и мир»!

Правдиво отразить двадцатый век
Сумел в своих стихах поэт Глазков,
А что он сделал, сложный человек?..
Бюро, бюро придумал пропусков!

Философский разговор

Супруге своей
Муж сказал как-то раз:
— Не брей ты бровей,
Да и губы не крась,
Забудь свой пустой
И испорченный вкус,
А лучше освой
Философии курс!

— С тобой я согласна,—
Сказала жена.—
Материя, ясно,
Первично нужна.
И юбку, и брючки
Я шью из нее
И прочие штучки,
А также белье.

А дух, он вторичней
Подкладки дохи,
Однако мне лично
Нужны и духи!

1953

* * *

Ты, как в окно,
В грядущее глядишь —
И все равно
Мужчину победишь.

А он, стерпя
Сто двадцать пять обид,
Потом тебя
Спокойно победит.

Однако вы
Перехитрите в быте —
И не как львы,
Как кошки победите.

Потом на нас
Потомки поглядят

И сложат сказ
О том, как победят...

Я снова жду
С тобой желанной встречи,
Но слова «побежду»
Нет в русской речи!

1954

Правда

Я поэт. Творю четверостишья
Много лет.
Может, я других святей и чище?
Вовсе нет!

Просто знаю, если не вкрадется
В душу ложь,
То тогда без всякой позолотцы
Стих хорош.

А проникнет если лицемерье
В глубь стиха,
Знаю, будет и в павлиньих перьях
Чепуха.

Повести, рассказы, басни, песни
Выйдут в свет...
Ничего они не значат, если
Правды нет!

1954

Про рыцарей

Вероятно, было весело
У кремлевских стен и храмов
Рыцарю, чьи латы весили
Сорок восемь килограммов.
Он, не замечая тяжести
Трехпудовых этих лат,
Мог кружиться и куражиться
На средневековый лад.
Рыскал всюду серым волком он
И обиды не прощал,
Но зато не ведал толком он:
Шар земля или не шар?

Вот пришла цивилизация.
Что же людям принесла
Эта вся механизация?
Облегчила все дела!

Ежели всмотреться пристально,
Польза прет со всех сторон:
Поезд ходит, книга издана,
Существует телефон.
Польза есть, притом великая,
Массовая, как кирпич.
Человек, склоняясь над книгою,
Может истину постичь.
Может на плите на газовой
Приготовить он обед.
Польза есть, но также массовый
От наук бывает вред.

Где былая удаль русская,
Что гремела с давних пор?
Человек стал слабым: мускулы
Заменял ему мотор.
Он, познавший плод учения,
Чуть простудится — апчхи!
На глазах его для чтения
Приспособлены очки.

Ну, а мне милы традиции
Презираемых веков.

Кое-что готов у рыцарей
Перенять поэт Глазков.

Не чуму, не мракобесие,
Не магический обряд,
Не отвергнутый поэзией
Крепостнический уклад,
Не геральдику рутинную,
Не знамена, не гербы,
А романтику спортивную
Долгих странствий и борьбы!

1954

Про чертей

В чертей хоть верьте, хоть не верьте,
Но я скажу вам не шутя:
Мне начали являться черти
От многодневного питья.
Они являлись мне ночами
Из тьмы безграмотных веков
И с подоконника кричали:
— Глазков, Глазков, Глазков, Глазков!

Те черти вовсе обнаглели
И сразу после пьянваря
Расположились на постели,
Мне ничего не говоря.
Они в количестве немалом
Обрушивались на кровать,
Барахтались под одеялом
И, так сказать, мешали спать.

Нечистый этот шум, однако,
Меня нисколько не смущал:
Я пил живительную влагу,
Когда потребность ощущал.
Что черти мелкие поэтам?
Их не должны пугаться мы!..
Но как-то раз перед рассветом
Ко мне явился сам князь тьмы.

Он, серый, словно весь из дыма,
Стал дуть что было адских сил —
И я весомо, грубо, зримо
Смертельный холод ощутил...
С тех пор... Да сгинет сила злая!
Я самому себе не враг:
И водку не употребляю,
А лишь по праздникам коньяк.

1954

За новое счастье!

На столе много разной закуски и хлеба,
Апельсинов, пирожных, конфет и вина...
Если б мог я взлететь в тридевятое небо
И отправиться в прошлые времена!..

Я б туда захватил этот стол новогодний,
Превосходно накрытый богатой едой.
Я б из многих годов выбрал самый голодный:
Из столетья двадцатого — сорок второй.

Я созвал бы друзей самых лучших и милых,
На себе испытавших тяжелые дни.
Я продуктами этими всех угостил их,
Так что были бы мною довольны они.

В нашей власти, друзья, сдвинуть горы
и скалы,
Только старому горю не сможем помочь...
Так за новое счастье подыдем бокалы
В эту радостную новогоднюю ночь!

1955

За мою гениальность!..

Мне простите, друзья,
Эту милую странность,
Но не выпить нельзя
За мою гениальность!..

Не хвалю я себя,
Просто сам в себя верю:
Откровенность любя,
Не терплю лицемерья.

Нынче этот порок
Уподобился язве.
Говорю, как пророк,—
Не согласны вы разве?

А грядущая даль
Для меня что реальность.

Опрокинем хрусталь
За мою гениальность!..

Согласиться я рад
Даже с первого раза,
Что историю творят
Не герои, а массы.

Но в искусстве царит
До сих пор необычность,
И искусство творит
Гениальная личность.

Как великий поэт
Современной эпохи
Я собою воспет,
Хоть дела мои плохи.

В неналаженный быт
Я впадаю, как в крайность...
Но хрусталь пусть звенит
За мою гениальность!..

По поводу зависти

Если издалека ты
Видишь убогие хаты,
Окна их в час заката
Кажутся золотыми.

Но не считай, что хаты
Из серебра и злата:
Хаты совсем не богаты,
Не обольщайся ими.

Мелочи будничной жизни
Издали живописны.
Жены чужие тоже
Издали очень пригожи.

Думаешь: мне б такую
Умницу и всезнайку,

Милую, молодую
Спутницу и хозяйку.

А разузнаешь подробно,
Сколько с ней связано тягот,
Не пожелаешь с подобной
Соединиться и на год!

1955

Тапочки

Иные славят новые штиблеты,
Другие — сапоги и башмаки.
Я славлю тапочки — простую обувь лета:
Они легки, но также и крепки.

Иные любят скверы и бульвары,
Другие бродят где-нибудь еще,
А я в лесу и у реки бываю,
И в тапочках мне летом хорошо.

Иные очень уважают моду,
Не отстают от нового денька,
А я люблю не моду, а природу,
Великолепную во все века!

Иные любят щеголять в обновах,—
Не следую их суете пустой.

Бродить удобно в тапочках дешевых,
А можно босиком, как Лев Толстой!..

Итак, цenia лесов сосновых запах,
И речку, и зеленую траву,
Однажды летом в тапках этих самых
Направился я в ресторан «Москву».

Швейцар остановил меня у входа:
— Вам в тапочках нельзя!
— А почему?
— Здесь много иностранного народа!
— Ну что ж! Тогда я тапочки сниму.

И босиком пошел я по ступеням,
Ну а швейцара отстранил слегка.
Тогда швейцар, старик весьма степенный,
Взмолился: — Не губите старика!..

Идите, ради бога, в чем хотите,
Но только не входите босиком!..—
Я тапочки надел, как победитель,
И позабыл о пустяке таком.

Но вспомнил вновь. Ведь если
разобраться,
То мы народ сознательный вполне.
Я подражать не должен иностранцам,—
Они пусть лучше подражают мне!

1955

Морская волна

Оттенков у моря
Почти миллион,
Но синее море
Не хамелеон.

Не надо бояться
Девятого вала,
А надо купаться,
Коль лето настало.

Волна подымает,
Волна опускает,
Она понимает,
Она приласкает.

Она помогает
Уйти от обид,
Она не ругает,
Хотя и шумит!

1955

Из Фирдоуси

Царил в одной из южных стран
Свирепый шахиншах — тиран,
Который щедро сеял зло,
Теснил искусство, ремесло
И всякий раз твердил одно:
— Считаю всякий ропот лишним!
Что будет, то и суждено!
Так установлено всевышним!

Но как-то раз один кузнец,
Собрав людей с полмиллиона,
Ворвался к шаху во дворец
И, скovyрнув тирана с трона,
Сказал: — Понять не мудрено,

С тобой, за то, что портил жизнь нам,
Случиться худшее должно!
Что будет, то и суждено!
Так установлено всевышним!

1955

Паук и орел

Паук приносит людям благо:
Он истребляет вредных мух.
Люблю тебя, мой друг. Однако
Не говорю, что ты паук!

Стервятник, птиц уничтожая,
Приносит людям много зла.
Но, похвалить тебя желая,
Я почему-то утверждаю,
Что ты походишь на орла!

1955

Летний ливень и осенний дождь

В горах, а может быть, в долине,
Что между Севером и Югом,
Осенний дождь и летний ливень
Однажды встретились друг с другом.

— О, ливень!—дождь сказал осенний.—
Чем объяснить сумеешь, брат,
Что ты с восторгом принят всеми,
Меня же всюду лишь бранят?
За что тебе такая слава?
Пусть льешься ты, как из ведра,
Но я сильнее! Помысли здраво:
Иду с утра и до утра!

Ответил ливень: — Я согласен,
Что долгот ты, осенний дождь...

Но от тебя весь день ненастен,
Ты надоедливо идешь.
Где я прошел — плоды созрели,
Пшеница бурно поднялась.
А ты струишься две недели...
А что оставил? Только грязь!

1955

Мечта

Без солнечных лучей
Журча сто лет,
Вдруг вырвался ручей
На белый свет.

И побежал ручей
Вверх по камням
Быстрее любых ключей,
Текущих там.

Бежал родник живой
По гребням скал,
И камень вековой
Ему сказал:

— Ручей, свершил ты грех,
Остановись!
Зачем струишься вверх?

Ведь надо вниз!
Нарушил ты закон
Всех ручейков,
Что установлен испокон
Веков.
Смутит твой странный бег
Любую тварь.
Что скажет человек,
Природы царь?

А царь взошел на склон,
Увидел сам,
И не поверил он
Своим глазам.

Потрогал воду он
Своей рукой,
И был он восхищен
Водой такой.

Потом, ее испив,
Он ощутил
Неведомый прилив
Великих сил.

Поднял одной рукой
Одну из скал,
Отбросил далеко
И так сказал:

— Когда бы я нашел
Алмазный клад,
Мне было б хорошо,
Я был бы рад.
Но стал я в этот миг
Сильней в сто крат.
Твоей воде, родник,
Я больше рад!

Ответил ручеек:
— Благодарю.
Я рад, что так помог
Богатырю.

Мечты? Их можно вить
Из будних дней,
А вот осуществить
Куда трудней!

Ручья с такой водой
Не знает свет,
Его и на другой
Планете нет.

Он лишь приснился мне,
А я поэт...
Он зажурчит в стране
Грядущих лет.

1956

Вопросы и ответы

Спросили у матроса:

— Кому ты подчинен?

— Пока что лейтенанту,—

Ответил он.—

Но наша жизнь подобна

Морским волнам.

Глядишь, и лейтенантом

Я стану сам!

Спросили лейтенанта:

— Кому ты подчинен?

— Пока что капитану,—

Ответил он.—

Но наша жизнь подобна

Морским волнам.

Глядишь, и капитаном

Я стану сам!

Спросили капитана:
— Кому ты подчинен?
— Пока что адмиралу,—
Ответил он.—
Но наша жизнь подобна
Морским волнам.
Глядишь, и адмиралом
Я стану сам!

Спросили адмирала,
Кому он подчинен.
— Я подчинен матросу! —
Ответил он.—
Матросу рядовому,
Народу трудовому
Привык служить.
Без этой самой службы,
Как без любви и дружбы,
Не стоит жить!

Чтоб знать...

Тот, кто в зеленый лес не влез,
И не знаком с сосной, осиной,
Считает, что полезен лес
Своею ценной древесиной.

Нет!.. Если лесом побредешь,
В нем поблуждаешь и устанешь,
Лишь после этого узнаешь,
Как лес полезен и хорош!

Великолепны выси гор
В часы восхода и заката.
Какой простор и кругозор,
А небо, небо розовато.

Оно похоже на фарфор...
Нет, не сравню с музейным залом!..

Лишь тот постиг вершины гор,
Кто покарабкался по скалам.

Не тот всю Волги ширь поймет,
Кто позевает у причалов,
А тот, кто вплавь переплывет,
Как это делал летчик Чкалов!

1956

Волгино Верховье

Озеро, покрытое туманом,
Туристический огонь костра —
Все казалось непривычно странным,
Даже время: шесть часов утра.

Пасмурная, серая погода,
В лужах, в травах, в облаках — вода,
Но для пешеходного похода
Влажная прохлада не беда!..

Мы пошли на Волгино Верховье:
В то село, где началась река,
О которой с гордою любовью
Говорят народы и века.

Вот оно. О нем ходили толки,
Шли к нему паломники страны.

Мы пришли и видим русло Волги
Четырехметровой ширины.

Не одна сюда ведет дорожка,
Всем источник вечной Волги люб...
Как избушка на куриных ножках,
Нас встречает деревянный сруб.

Вот он, легендарный, перед нами.
Ближе подхожу к нему: он весь
Ласково расписан именами
Очень многих побывавших здесь.

Надписи такие портят скалы,
Ну а эта русская изба
От имен совсем не пострадала:
Имена сверкают, как резьба!

Ведь недаром местные крестьяне
Рады этой расписной избе
И, когда придется, — мы волжане! —
Горделиво скажут о себе.

Волга!.. Сколько шири в этом слове!
Сколько славы у большой реки!

Не забудет Волгино Верховье,
Как пришли и как ушли враги.

И над Волгой,— это место свято:
Волга вдохновляла на борьбу,—
Возвели советские солдаты
Сказочную русскую избу.

Возвели надежно и надолго
В дни опустошительной войны...
Здесь струится речка Волга — Волга
Четырехметровой ширины!..

А потом она все глубже, шире:
Миллионы вод в себя берет.
Не случайно здесь живут и жили
Так, как Волга-матушка живет.

Детство уподобится истоку,
Пусть в него впадают ручейки.
Этих ручейков еще немного,
И они ничем не велики.

Но растет ребенок постепенно,
Словно в Волге-матушке вода.

Как озера Стреж, Вселук и Пено,
Протекают школьные года.

Юность развернется на просторе,
Делается сильным человек.
Так течет до синего до моря
Волга, забирая воды рек.

Но ведь человек свой день рожденья
Помнит, отмечает, стало быть.
И реке во всем ее теченье
Своего Верховья не забыть!

Честь и слава Волгину Верховью,
Тем местам, где началась река,
О которой с гордою любовью
Говорят народы и века.

**Афанасий Никитин
играет в шахматы**

Там на Волге снег пушистый виден,
Здесь под пальмой отдыхай в жару.
Крепко полюбил купец Никитин
Чудную заморскую игру.

Мусульманин с головою бритой
И кирпично-красной бородой
Говорит Никитину сердито:
— Мы сыграем, но на золотой!

На доске расставлены фигуры.
Мусульманин сделал первый ход.
Он, желая обыграть гяура,
Морщит лоб и разевает рот.

У него дрожат азартно пальцы,
И при каждом ходе страх в глазах:

С золотым не хочет расставаться
И бормочет: — Выручи, аллах!

Афанасий тоже верит в бога,
Но не докучает небесам.
Знает: бог — надежная подмога,
Ежели не оплошаешь сам!

Слышатся ехидные усмешки,
Кой-кому единоверца жаль:
Афанасий продвигает пешку
На последнюю горизонталь.

Он ведет фигуры в наступленье:
Шах, и шах, и шах, и шах, и мат!..
Говорит: — Уменье — не везенье! —
И динар-дукат сует в халат.

Но противник появился новый:
Шейх Абул Назум аль-Мульк Туси,
Имени мудреного такого
Не услышать на святой Руси.

Шейх богат и всеми уважаем,
Шумный караван-сарай притих.

Шейх сказал Никитину: — Сыграем?
Не боишься на пять золотых?

Афанасий отвечает: — Можно.—
Он игрой чудесной увлечен.
Шейх играет тонко, осторожно,
Сразу видно: в шахматах силен!..

Афанасьюшка играет смело,
Это возбуждает интерес.
Шейх играет сильно и умело,
У него в фигурах перевес.

Проигрыш для каждого обиден,
Но, доверясь своему чутью,
Агрессивно действует Никитин
И азартно жертвует ладью.

Афанасий выиграл красиво
И иначе поступить не мог,
Ибо в этих землях из России
Он пока единственный игрок!

Поговорка

Почему народ России,
Отличающийся силой,
Проявляющий сноровку,
Вдруг придумал поговорку:
«Дураков работа любит»?

Ведь пословица
Не сломится,
Переходит в род из рода.
В ней таится
И хранится
Мудрость вечная народа.

Эту мудрость все мы знаем,
Но поймет ее не всякий!
Скажет: — Был народ лентяем,
А отнюдь не работягой.

Нет! Народ, трудясь умело,
Уважал любое дело.
Ведь недаром говорится:
Дело мастера боится.

Труд нас кормит, лень лишь портит.
Лень, она — мать всех пороков.
Ведь не зря у нас в народе
О труде пословиц много.

В них народ боролся с ленью,
Так как был в труде упорен.
Если слово взять «уменьье»,
Без сомненья,
«Ум» в нем корень!

Коль идет работа споро,
То идет работа скоро.
Ведь недаром говорится:
Дело мастера боится.

А дурак, он тот, кто дело
Совершает неумело,
Кто работу кончить хочет,

Но ее не скоро кончит,
Кто, трудясь без толку долго,
Уйму времени загубит...
Вот что значит поговорка:
«Дураков работа любит»!

1956

* * *

Боксер побил шахматиста,
Ударил и сбил его с ног,
Но не победил шахматиста,
Да и победить не мог.
К победе всегда стремись ты,
Ее, если надо, ускорь,
Но ты победи шахматиста
За шахматною доской!

Пускай шахматист боксеру
Успешно поставил мат,
В том нет для боксера позору,
Что в шахматах он слабоват.
Тебе, шахматист, не в новинку
Дать фору ему две ладьи.
А ты попытайся, на ринге
Боксера того победи!

На льду обгони конькобежца,
В воде обгони пловца!..
За честное первенство с детства
Упорно борись до конца!

1956

Царь природы

Мы все позабываем часто,
Что человек, он — царь природы,
Что у него большое царство,
В котором есть леса и воды.

Я думаю, что несуразно
Быть от природы вдалеке.
И разве это не прекрасно
Поплыть на лодке по реке?

Да здравствует великолепье
Глубоких вод — морей и рек!..
Лишенный плаванья и гребли,
Не царь природы человек.

Друзья! Не избегайте спорта,
Любите горы, степи, воды!..
Тогда сказать мы сможем гордо:
Мы — люди! Мы — цари природы!

1956

* * *

Овсюг, который в поле рос,
Сказал: — Коль говорить всерьез,
Давным-давно решен вопрос,
Что я красивей, чем овес!
Но люди, на мою беду,
Не оценили красоту.
Овсом засеяв сотни га,
Меня встречают, как врага.
Обидно, горько мне до слез,
Что так возносится овес!

1956

Про пожары

Говорил пожар пожару:
— Мы подружимся, пожалуй!..—
И пожару пожар
Руку красную пожал:
— Очень яркие мы оба,
Ты хорош и я хорош.
Мы с тобой друзья до гроба,
Нас водой не разольешь!
Мир дивится нашей силе
И отваге удалой!..

Но разлили и залили
Их той самою водой.

1957

Существует ли разногласье?

Сказал живущий посреди болота:
— Я приложил немалые труды,
Но пропадает вся моя работа
Из-за воды, воды, воды, воды.

Сказал живущий посреди пустыни:
— Я приложил немалые труды,
Но все равно вокруг песок постылый,
А хочется воды, воды, воды.

Они желают разного, но разве
Меж ними существует разногласье?

1957

Два пассажира

В уюте мягкого вагона
Два пассажира оживленно
Беседовали меж собой.
Один сказал про город свой:

— Что говорить?.. Прескверный город.
В нем летом нестерпимый зной,
Зимою — нестерпимый холод.
Речушка есть, мала, мелка,
Не широка, не глубока.
До леса очень далеко,
Так что добраться нелегко.
Дороги, я б сказал, похабны,
На них колдобины, ухабы.
На улицах и пыль, и грязь...

Ничто не восхищает глаз.
Наш город — сущая дыра,
В нем даже здания отвратны:
Архитектура их стара
Иль утомительно стандартна...
Но я держусь за свой оклад
И еду в этот скучный град.

Другой сказал: — Да, город ваш
Совсем не то, что город наш!
Наш город — это не дыра,
В нем лето — лучшая пора.
И, хоть не очень велика,
Но хороша у нас река:
На лодке можно покататься,
И погрести, и искупаться.
До леса — так рукой подать,
В лесу такая благодать!..
Дома, пожалуй, плоховаты,
Но есть хорошие дома.
Зима у нас холодновата,
Но ведь зима, она — зима!
Дороги, правда, очень плохи,
Но мы построим и дороги!

Воскликнул первый пассажир:
— Да, вы счастливый старожил!
Живете в городе, в котором
Жить стоит и работать стоит!..

А в это время поезд скорый
Их вез в один и тот же город!

1957

* * *

И. М. Л.

Раннее утро. Москва тиха.
Птички: чирик-чирик!
Странно и мудро слова стиха
Я подбирать привык.

Женщина рядом. Ее люблю.
Часики бьют: тик-так!
Я почему-то не сплю, а пью,
Пью с любимой коньяк.

Пью за нее, за стихи, за рассвет
И за счастье, которого нет!
Нет его. А почему?

Счастье, оно приходит потом,
А может, счастье не в счастье самом,
А в стремленье к нему?

1957

На его бы месте

Живет он, кто его знает,
Плохо ли, хорошо?
Жена его часто ругает
За то, что он вышивает
И кое за что еще.

Есть у него жилплощадь,
Которая не велика,
А дачи в березовой роще
Нет у него пока.

Короче, живет он, как многие,
Как средства ему велят,
А если стихом его трогаю,
То в этом он сам виноват.

При встрече со мной принимает
Напыщенный менторский вид
И, словно он все понимает,
Такие слова говорит:

— Поэт!.. А кому ты известен?
Твори, не жалея чернил!
Вот я на твоём месте
Такое бы насочинил!

Потом упомянет о тесте:
— Работает старый, как вол,
А я б на его месте
На пенсию перешел!

Увидит, что крыша из жести
Попортилась и протекла
И скажет: — На их бы месте
Я сделал её из стекла!

Услышит: в каком-нибудь тресте
Изрядный перерасход,
Заявит: — На их бы месте
Построил я новый завод!

Меня б удостоили чести,
Эх, мне б предоставили пост!..

А жаль, что на собственном месте
Он нудно толчется на месте,
С небес не хватая звезд!

1957

Зимнее утро

Мне бы спать и спать, но просыпаюсь:
Череда забот сильней зевот.
Зимнего рассвета белый парус
По утрам в поход меня зовет.

Мне вставать не хочется с постели,
Мне бы спать и спать, но даль светла:
Ждут меня удачи и потери,
Ждут меня великие дела!

1958

Заповедная роцца

(Шутка)

Высоко над голубою Хостой
Роцца заповедная стоит,
И растут там запросто и просто
Редкие деревья — тис, самшит.

А когда третичный был период,
На земле был превосходный климат:
На любой поверхности земли
Дивные растения росли.

Мыслю я, жилось тогда отлично,
Но не вечны теплые деньки:
Наступил период четвертичный —
С севера спустились ледники.

Для теплолюбивой нашей флоры
Наступил зело жестокий век.
Тис с самшитом сгнули в ту пору...
Мыслью я: дурак был человек!..

Упустил по глупости и лени
Дни, когда жилось так хорошо:
В запоздалый век обледененья
Он, по Дарвину, произошел.

И, бедняги, мы на холод рощем,
Но, когда возможность есть у нас,
Уезжаем к заповедным рощам
Для продленья лета на Кавказ!

1958

Изменение к лучшему

Семен Семеныч возгордился,
Он стал влиятельным лицом.
Людей, с которыми учился
И по работе был знаком,
Не узнает. В чем дело? В том,
Что к лучшему он изменился:
Он прежде, как подлец, тайлся,
А стал открытым подлецом!

1959

Выбирающим себе специальность

Величав и славен путь геолога,
Всюду новь, куда ни бросишь взгляд,
Но даются километры дорого,
И палатка вам не мармелад.

Покорять просторы тоже радостно,
Путь полярника — почетный путь,
Но вдохнуть мороз сорокаградусный —
Это вам не водочки хлебнуть.

Стать другой планеты новоселами —
Значит превзойти Колумбов всех,
Но возможна гибель невеселая,
И не гарантирован успех.

А стихи писать легко... Попробуйте!..
Все легко дается молодым.
Только убедился я на опыте:
Труд есть уголь, ну, а слава — дым!

1959

Сила стиха

Если в чем виноват, то исправлюсь,
Но скажу, что, как всякий поэт,
Я одним безусловно понравлюсь,
А другим, вероятно, нет.

Все эпохи и страны объеду,
Вспомню сотни стихов и поэм...
Разве были такие поэты,
Те, которые нравились всем?!

Нет таких! Но считать нам не пужно,
Что поэзия мира плоха:
Лишь читательским равнодушьем
Измеряется сила стиха!

1960

* * *

Светлее облака и снега
Сияет церковь на Нерли,
Краса двенадцатого века
И Володимирской земли.

Неповторимая такая
Стоит, из тьмы веков восстав,
Стоит и славится, вдыхая
Весь аромат медовых трав.

С лугов просторных обозрима,
Вблизи прекрасна и вдали,
Она стоит неотделимо
От Володимирской земли.

Стоит спокойно, величаво
И отражается в воде,
Краса Владимира и слава,
И нет такой другой нигде!

1960

Кара-Даг

Вулкан, способный камни плавить, 42
Давным-давно отгрохотал.
Оставил он векам на память
Нагроможденье диких скал.

Здесь устремляет с моря в воздух
Свои утесы Кара-Даг,
И фантастически громоздок
Камней суровых кавардак.

Со всех сторон сияют бездны,
И если сверзишься с высот,
Внизу найдешь прием любезный
В тот самый свет, который тот!..

Но увлекает постепенно
Природы горной красота,—

Взбираюсь по скалистым стенам,
Чтоб высота была взята.

Карабкаюсь все выше, выше,
И мир вокруг меня растет,
Тот самый мир, который вижу
Я с черно-каменных высот.

1960

Кочевья

Бесконечные дали
Каждым летом зовут.
Голос предков едва ли
Проявляется тут.
Просто травы, деревья,
Белый свет зелена,
На просторы кочевья
Соблазняют меня.

В добрый вечер со светлой
Я прощаюсь Москвой,
Чтоб сменить быт оседлый
На быт кочевой,
Чтоб бродить по дорогам,
По лесам, по горам,
Словно в древнем далеком —
Нынче здесь, завтра там.

А живу я в двадцатом.
На помине легки
Кибернетика, атом,
Полупроводники.
Велики достижения,
Всякий транспорт знаком,—
Все же способ движенья
Мой любимый — пешком!

По тропинкам брожу я
В незнакомом краю
И отчизну большую
Постигаю свою.
Восхищаюсь, волнуясь
И шагаю вперед —
И прошедшая юность
Мне навстречу идет.

В защиту кваса

Хочу сказать, что русский хлебный квас
Великолепно утоляет жажду.

И этим квас прекрасен без прикрас,
И с этим согласиться может каждый.

На опаленном поле потрудись —
Узнаешь, как испить кваску приятно!..
И почему ура-патриотизм
Квасным зовется, просто непонятно?!

1961

Майская зелень

Идем мы в лес, весенний весь,
Над ним сплошная синева.
Заметно зеленеет лес,
Под ним зеленая трава.
Трава права. Как радость дней,
Она, зеленая, растет.
Трава нова. Она новей,
Чем реактивный самолет!

Она под сводами ветвей
Подняться хочет на аршин.
Трава нова. Она новей
Кибернетических машин.
И через сотни тысяч лет
Она не устареет, нет!
Всегда останется такой
Великолепной травой!

1961

* * *

Люблю тебя, когда весна,
Которой рад весьма.
Люблю тебя и золотой
Июльской порой.

Люблю тебя, когда идет
Осенний нудный дождь
И наступает холод тот,
Который нехорош.

Люблю тебя, когда зима,
Которой не люблю:
Деревья мерзнут и дома,
И ветер, что сошел с ума,
Мне воеет: «У-лю-лю!»

Но видит вешняя трава
Весеннюю зарю —
И ласковые все слова
Тебе я говорю!

1961

* * *

Жил да был один товарищ,
Все равно когда и где.
Он, веселью предаваясь,
Оставлял друзей в беде.

И его в несчастье тоже
Позабыли все друзья.
Он воскликнул: — Это что же!
Где же дружба? Так нельзя!

1961

* * *

И. М. Л.

Поехать надо нам на лоно
Природы,
Чтоб посмотрела ты влюбленно
На воды,
На берега, где дремлют травы,
Деревья,
Они достойны чести, славы,
Доверья!

1962

Белая ночь

Небеса перламутром,
А петух не пропел.
Вслед за вечером — утро,
Вместо ночи — пробел.

Небольшая утрата
Не печалит меня,
И поэтому рад я
Наступлению дня.

1962

Утро в Сергеляхе

Когда ни свет и ни заря
Проснулся я, поэт,
Все разглядел без фонаря:
Была заря и свет.
И тишина. Такой нигде
Не слышал прежде, ибо
Мне было слышно, как в воде
Беседовали рыбы.

1962

Пусть не горит тайга!

Закрыли светлый небосвод
Глухие облака:
Сильнее, чем любой завод,
Дымит, дымит тайга!
От пепла почернела вся
Прозрачная река.
Горят прекрасные леса —
Родимая тайга!

Днем наступает полутьма,
Когда горит тайга.
Горят возможные дома
От стен до потолка.
Горят орехи и пушнина —
Немалая денъга...
Все из-за сукиного сына
Горит, горит тайга!

Горят грибы и свежий воздух,
И радость пикника.
Из-за бездарного прохвоста
Горит, горит тайга!
Пусть не горит! Пусть будет кара
Судебная строга
К любым зачинщикам пожара!
Пусть не горит тайга!

1962

Про Макара

На краю земли, в тумане,
Посреди таежной мглы
Существуют глухомани
И медвежие углы.

Тропы там позарастали,
О местах тех говорят,
Что, конечно, в эти дали
Не гонял Макар телят.

А Макар живет — не стонет
В том краю, который глух,
И телят успешно гонит,
Потому что он пастух.

Гонит стадо в чистом поле,
Где кусается комар...

А еще в вечерней школе
Обучается Макар.

А еще играть умеет,
И в районе говорят,
Что по шахматам имеет
Наш Макар второй разряд!

1962

Чучуна

Рысь, конечно, страшна,
Трудно справиться с ней,
Но в тайге чучуна
Всех зверей пострашней!
Человек этот дик,
И свиреп, и жесток.
Наш язык не постиг:
Не хотел иль не смог.
Носит шкуры оленье
И имеет он лук.
Исчезает мгновенно,
Появляется вдруг.

Он в движениях быстр,
Он проворен и смел,
Издает резкий свист,
Сходный с посвистом стрел.

Страшен согнутый лук,
Тетива что струна,—
Звери делают крюк,
Коль свистит чучуна.
По деревьям, как белка,
Ловко прыгает он
И в разбойных проделках
Искушен и смышлен.

Над селом тишина,
Предрассветная ночь.
Входит в дом чучуна,
Он до женщин охоч.
Спит в постели жена,
Чья-то мать, чья-то дочь.
К ней идет чучуна,
Он до женщин охоч.
Он берет ее спящую
И уносит туда,
Где таежные чащи,
Иногда навсегда!

История города Комсомольска

Комсомольцы беспокоят
Неразведанность глуши:
На Амуре строят город —
Ставят шалаши.
Если дело по душе,
Можно жить и в шалаше!

Вековой простор расколот
И разбужен, говорят,
Комсомольцы строят город —
Поднялся землянок ряд.
Чем землянка хороша?
Тем, что лучше шалаша!

Комсомольцам дела много:
Заготавливают лес.

Стиль барака не барокко,
Но и здесь у них прогресс.
Жить вольготней работаге
Не в землянке, а в бараке!

В Комсомольске-на-Амуре
Комсомольцы-молодцы
Соответственно культуре
Воздвигают и дворцы.
Город тот, который молод,
Выглядит как зрелый город!

1963

Цвет океана

Океан бывает разный:
Сединою убреленный,
Фиолетовый, зеленый,
Голубой и даже красный.

Ну, а если мы беспечно
Все его оттенки скинем,
То тогда, оно конечно,
Океан бывает синим.

1963

В любую погоду

Разыгрались серебристые
Гребешки.
Это значит — волны быстрые
Высоки.

Из Владивостока выбраться
В Тетюхе
Буйным морем — это рыцарство.
Хе-хе-хе!

Многотонно волны брызгают,
Ой, сильны!..
И все рейсы пассажирские
Отменены.

Но идут в поход торпедные
Катера,

Их ведут двадцатилетние
Мастера.

Потопивший в буйной ярости
Столько шхун,
Перед смелостью смиряется
Сам Нептун!

1963

В февральском лесу

Похожа эта быль на сказку,
А может быть, на анекдот.
В лесу заснеженном февральском
На лыжах женщина идет.
По снегу стелется поземка,
Порывы ветра холодны.
Идет на лыжах незнакомка,
А ей, должно быть, хоть бы хны!..

В купальнике, почти что голой,
На лыжах женщина идет,
Как будто ню французской школы,
А впрочем, нет, наоборот!..
Французы люди не такие,
Им не присущ такой азарт:
Они померзли здесь, в России,
Куда привел их Бонапарт.

Патриотических восторгов
На этот раз не разделя,
Скажу, что сам не рад несколько
Свирепой стуже февраля.
Скажу, что я поклонник лета,
Сторонник солнечной весны,
А эта женщина раздета,
И ей зимою хоть бы хны!..

На соснах и березах иней,
Мне в зимнем холодно пальто.
Ей восхищен как героиней,
Сам не способен я на то.
Скажу, что женщина такая
Не на снегу понятна мне.
Такую я воспринимаю
На синей, солнечной волне,

На берегу реки журчащей,
Когда вокруг цветы цветут,
Иль где-нибудь в таежной чаще,
Когда шмели гудят, а тут
Понамело сугробы за ночь...

И этот случай не вранье:
Собкович Алексей Степаныч
Сфотографировал ее!

1963

О литературных влияниях

*И. Френкелю — автору песни
«Давай закурим!»*

Илюша Френкель, фронтовой поэт,
Однажды мне сказал: — Давай закурим!—
И я курил все двадцать девять лет!
А мы тут о влияниях толкуем,
Напрасно называем имена!..

Есенин, Маяковский, Северянин
И Блок не оказали на меня
Столь долгого и вредного влиянья!

1963

* * *

Естественно очень, что бюрократизм
Поэтам бранить полагается.
«Кто всем чертям с матерями катись!»
А он черта с два покатится!

На собственном опыте это постиг,
Могу во весь голос кричать я,
Но самый толковый и сильный стих
Слабее, чем справка с печатью.

Поэта — романтика и чудака —
Могу я утешить, конечно:
Стихи, может быть, проживут века,
А справка недолговечна!

1963

Шампиньоны

Видел я во всем величье
Необъятную тайгу,
Но грибы собираю нынче
Не в лесу, а на лугу.

На лугу, большом, зеленом,
Собирать грибы могу,
Потому что шампиньоны
Здесь на каждом на шагу.

Пусть они не чемпионы
Из известных мне грибов,—
Луговые шампиньоны
Собирать всегда готов.

Их собрать совсем не сложно,
А потом всегда, везде
Доказать их пользу можно
На большой сковороде.

1964

Ленский закат

Часов примерно девять вечера.
Смотрю-любуюсь на закат,
Который в светлом небе Севера
Зелено-сине-желтоват.

В нем что-то солнечно печальное,
В нем увядания мотив,
Но краски столь необычайные...
Он удивительно красив!

1964

Бестях — Майя

Автобус по дороге мчался
Примерно полчаса.
Леса мелькали и аласы ¹,
И вновь леса, леса.

И на любой лесной поляне,
И у любой тропы
На очень близком расстоянии
Грибы, грибы, грибы.

Я ехал из Бестяха в Майю
И чувствовал размах,
Как гриболюб воспринимаю
И Майю и Бестях.

¹ А л а с — характерный для ландшафта Якутии
окруженный лесами озерно-пойменный луг.

Я ликовал,
Грибное царство
С автобуса узря,
И сожалел:
Такое богатство
Пропадает зря!

1964

Покровская набережная

Используя здесь залежи
Известняка,
Соорудила набережную
Природа на века.

И я люблюсь плитами,
Их мощью и длиной,
Водой дождей омытыми
И ленской волной.

Все эти плиты плоские
Сияют светом дня.
Набережная Покровская
Радует меня.

Давным-давно построена
И хороша,
А жителям не стоила
Ни гроша!

1964

Якутск

Когда безумный воевода
Якуцкий основал острог,
То выбрал для него болото,
И хуже выдумать не мог.
А он хотел, чтоб было хуже,
Чтоб у любого казака
По вечерам щемила душу
Солончаковая тоска.

Но годы шли. Трудились годы
Над нищетой болотных недр:
Острог Якуцкий вырос в город
И в административный центр.
Хоть место маложивописно,
Ббивались свайные столбы
По жестким требованиям жизни
И по иронии судьбы.

Вокруг забытого острожка
Велит история сама
На сваях, как на курьих ножках,
Большие возводить дома.
Вступают в быт асфальт и камень,
Электросвет ломает тьму,—
И после драки кулаками
Махать, пожалуй, ни к чему.

1964

Кедровник

Кедровник, стланик, карликовый кедр
Не может похвалиться пышной кроной,
Предпочитает гор студеных склоны,
Однако на орехи дюже щедр.

Кустарник он. Вонзает в камни корни,
К нему в горах дорога нелегка,
Но в шишках у него орехи. Кормит
И человека, и бурундука.

1964

Про бурундука

Бурундук, хоть и зверек, а с разумом.
Хлопотливо, много дней подряд
Он орехи запасает на зиму,—
У него в норе орехов склад.

А в конце орехового месяца
Если захватить его запас,
Бурундук на веточке повесится,
Рассердясь и шибко огорчась.

Сунет свое горло в разветвление,
Задохнется, будет так висеть...
Понимает: лучше смерть мгновенная,
Чем зимой мучительная смерть!

1964

Российское дерево

Береза русская красива,
Но не она и не сосна
В стране по имени Россия
Всех больше распространена.
Нет, не береза, не осина,
Не ива, не ольха, не ель,
А лиственница, что в России
Всех больше заняла земель!

А лиственниц в России много,
Так много, что потерял счет.
Другие где расти не могут,
Она, упорная, растет!
Берет и горы, и равнины,
Любая почва ей мила.
Она в России половину
Лесных угодий заняла!

1964

* * *

Был Лермонтов поэт великий,
Но кто его при жизни знал?..
И под торжественные крики
Он не входил в Колонный зал.

Ему не снилось то величье
В сиянье славы и побед,
Которым обладает нынче
Один большой лермонтовед!

1965

Великолепье

Когда митрополит Иона
Задумал стены возвести,
Он знал, что не для обороны
Здесь будут башни и зубцы.

А чтобы обрести владыке
Души усладу и покой
И чтобы был Ростов Великий
Зело обличен красотой.

Трудились местные умельцы
Все тридцать лет — не тридцать дней
И возвели на этом месте
Великолепье из камней.

1965

Реставратор

Был храм подвергнут разрушенью
И в середине, и с боков.
Являл он мерзость запустенья
И благолешие веков.
И хорошо, конечно, братцы,
Что не снесли его в тот год,
Когда не смели разобраться,
Красавец он или урод.

Явился реставратор добрый,
Трудился, не жалея сил,
И храму первозданный облик
Великодушно возвратил.
И храм вознесся величаво,
И засияли купола,
И нам предстала в блеске славы
Краса, которая была!

1965

* * *

В девятом веке или раньше
Основан Новгород Великий.
Не пощадили силы вражьи
Его святынь, его реликвий.

Разрушен был до основанья,
Разбит, растерзан и расколот,—
И если посмотреть на зданья,
То Новгород, он новый город.

А памятники в нем остались,
Есть в них особая сердечность.
Они свою забыли старость,
Они уже вступили в вечность!

1966

Новгородская грамота

— Аз тебе хоцю...— писал писалом
На берёсте грамотный мужик.
Был, наверно, откровенным малым,
И в любви желанного достиг.

Так непринужденно, откровенно
И не лицемерно хорошо
На берёсте до него, наверно,
Милой не писал никто еще!

Это удивительно похвально,
Что сумел он грамоту постичь
И сказать так просто, гениально,
Чтоб в любви желанного достичь:

— Аз тебе хоцю!..— Здесь взлет отваги,
Честное влечение души...

Мой коллега-лирик, на бумаге
Попытайся лучше напиши!

1966

Мое отношение к болезни

Когда начинает листва бронзоветь
И хмурая осень в окошки стучится,
Находятся люди, что любят болеть,
И люди, которые любят лечиться.

А я не такой, как они, оптимист,
И если терзает меня грипп повальный,
То десятидневный больничный свой лист
Рассматривать не захочу как похвальный!

Нетрудоспособен... Хорошего тут
Не вижу, мечтая о новых работах.
Мне жаль прерывать незаконченный труд,
Однако болезнь для меня и не отдых.

Мне хочется хворь свою преодолеть!
Охотно ее уступаю тем лицам,
Которые смело готовы болеть
И любят со знанием дела лечиться.

1966

* * *

Рассчитывая на успех,
Желая отразить эпоху,
Поэт сложил стихи для всех.
Жена прочла, сказала: — Плохо!

Тогда одной своей жене
Поэт сложил стихи другие.
И оказалось: всей стране
Потребны именно такие!

1966

Суд времени

Хватит спорить вам на тему:
Кто поэт, кто не поэт?
На вопрос ответит время,
Подождите сотню лет!

Время скажет очень точно:
Гений кто и кто талант,
Кто правдив и кто беспочвен,
Кто позер и спекулянт.

Ну, а если не хотите
Целый век ответа ждать,
В глубину времен взгляните
Лет всего на двадцать пять.

И сейчас вам станет ясно,
Кто действительно был смел,
Кто не признан был напрасно,
Кто при жизни устарел.

1966

* * *

Заметил скептик: — Вероятно,
Все относительно весьма.
Весна лишь потому приятна,
Что отвратительна зима!

Насчет зимы я с ним согласен,
Но оговорки не нужны:
Безотносительно прекрасен
Приход блистательной весны!

1966

* * *

Дождь-ливень хлынул. Затопила
Всю улицу вода.
Нельзя сказать, что очень мило,
Однако не беда!

Пускай негаданный, неожиданный,
Дождь лучше зимних стуж!..
А захочу — такой же в ванной
Включу холодный душ.

1966

* * *

Когда температура ноль,
Грустят деревья и дома,
Тряхнуть мне хочется весной,
А приближается зима.
Творю печальную строку,
И на душе тоска и боль.
Утешить тем себя смогу,
Что не всегда печален ноль!

Когда температура ноль,
Ясна небес голубизна,
Зима свою сыграла роль —
И дебютирует весна.
В снегах капель звенит с утра.
Природы ненарядной голь
Зело на выдумку хитра,
Когда температура ноль!

1966

Нюргусун

Б. В. Чернову

Весна в Оймяконе.
Прекрасен и юн,
На солнечном склоне
Цветок нюргусун.

С сугробами рядом
Растет... Ну и что ж!
Ему очень рады,
А чем он хорош?

Ведь этот весенний
Цветок невелик,—
У многих растений
Заманчивей лик.

Причудливой прис,
Роскошней сирень...

Но вовремя вырос
Подснежник в свой день.

И выше сравнений
Цветок-первоцвет:
В весенней вселенной
Прекраснее нет!

1966

Землепроходцы

До Иртыша, Енисея, Охотска
Шли по дорогам побед и невзгод
Неутомимые землепроходцы —
Сами герои и сами народ!

От крепостного проклятого права
Дальше как можно желая уйти,
Шли по дорогам немеркнущей славы,
Одoleвая любые пути.

Шли в отдаленные самые дали,
Сами историю мира творя,
И на востоке они открывали
Земли незнакомые, реки, моря.

Шли, снарядив свои струги и кочи,
Первопроходцы земной широты.

Их не страшили полярные ночи,
Не сокрушили коварные льды.

Хлеб убирали и травы косили,
Гнали из ягод таежных вино
Первопроходцы восточной России —
Нам их наследье хранить суждено.

Все изобилье богатой Сибири
Нам завещали герои тех лет,—
И невозможно, чтоб их позабыли
Мы на дорогах невзгод и побед!

1967

* * *

Ночь удивительного облика
Над Леной — бабушкой-рекой.
Одно серебряное облако
Чуть освещается луной.

И в темноте всего две линии
Проходят, словно провода.
Их образуют черно-синие
Небо, берег и вода.

1967

Обычные дожди

Идут дожди. Запаздывает почта —
И свежих утренних газет не жди.
Поселок словно остров, оттого что
Идут обыкновенные дожди.

Поселок словно отрешен от мира,
С ним радио — единственная связь.
Идут дожди — дороги поразмыло:
Непроходима, непролазна грязь.

Автобусы в ней вязнут и не могут
Болотистой колдобины пройти.
Неважная дорога — не дорога,
Когда идут обычные дожди.

Дожди, а не тропические ливни:
В Якутии осадков не ахти...

Но все машины увязают в глине,
Когда идут обычные дожди.

Дешевое такое бездорожье,
Где не асфальт, а глина да песок,
В конце концов обходится дороже,
Чем дорогие линии дорог!

1967

Непозорное бегство

Холод мне совсем не нужен,
Но зимы не избежать.
От свирепой зимней стужи
Можно все же убежать.
В ночь, когда морозы люты,
А вокруг унылый снег,
Хитроумные якуты
Рекомендовали бег.

Если день такой холодный,
Что померзнуть я могу,
То дорогой пешеходной
Не шагаю, а бегу.
Ведь зима, она такая,
Что ее боимся мы,—
Потому и убегаю:
Убегаю от зимы!

1967

Почему?

Почему умирают врачи,
Если знают они медицину
И умеют не только лечить —
Объяснить могут смерти причину?
Почему умирают врачи?

Образ жизни ведут силачи
Очень правильный, несомненно.
Это нам подтвердят и врачи.
Почему ж умирают спортсмены,
А не вечно живут силачи?

Медицина и спорт, может быть,
Не нашли еще верной дороги?
Может, мудрость поможет нам жить?
Почему ж умирают йоги,
Что не знают душевной тревоги?
Почему умирают йоги?

Почему? Я и сам не пойму,
Где тот климат, который безвреден?
Ни один человек не бессмертен,
И не ведаем мы: почему?

1967

* * *

Ни дня без строчки! — Нужен ли поэту
Девиз такой?
Есть вдохновенье, а сюжета нету,—
Займись строкой.

А если, скажем, нету вдохновенья,
То каждый день
Вымучивать зачем стихотворенья?
И то не лень!

Поэт, как, скажем, слесарь или токарь,
Знаком с трудом.
Поэт трудиться должен, но не только
За письменным столом.

Стихов не сочиняю каждый день я...
Чтоб строки удались,
Ни дня без мысли и без наблюденья —
Вот мой девиз!

1967

**Приятелю-волжанину
к пятидесятилетию**

В честь юбилейного, тебя,
Прекрасного, как дым махорки,
В день тридцать первый октября
Хотел я искупаться в Волге!..
Чтоб ощутил наверняка
Ты всю торжественность момента —
И сохранилась на века
Великолепная легенда.

Однако сам ты пожелал,
Как человек не злой, а добрый,
Чтоб я себя не простужал
В воде прекрасной, но нетеплой.
И ход твоих суждений здрав:
У нас в стране сейчас не лето!..
Учти, однако, волжский нрав
И поведение поэта.

Я Волге посвящал стихи,
Воспел ее простор и влагу.
Так за какие же грехи
Ей простужать меня, беднягу?
Ведь ей меня, как сына, жаль,
Ведь от меня она в восторге!..
Однако сам ты пожелал,
Чтоб я не искупался в Волге!

1968

Первопуток

Пал первый снег, и с ним упала
Температура в городе.
Хорошего, конечно, мало
В осенне-зимнем холоде.

Но почему-то люди рады
И, проходя по улице,
Не очень чувствуют прохладу —
Снежинками любят.

Оптимистичны эти люди,
Зима им предназначена,
А я не радуюсь простуде,
На первопутке схваченной.

А я не рад дороге снежной,
Печально мне от холода,
Хотя зима и неизбежна,
И выглядит так молодо!

1968

Гибель Черского

Величаво влечет Колыма
В край, который незнам и неведом,
Но к ней в гости заходит зима
Даже летом!..
Снег, который в июне пойдет,
Отличается злобою зверской...
Для чего свой безумный поход
Продолжает чахоточный Черский?

Разве мало тяжелых невзгод
На себе испытал и проверил?
Для чего ему только вперед
И зачем ему только на север?
Возвратиться теперь в самый раз —
Так советуют добрые люди.
Если он повернет свой баркас,
Мир ученый его не осудит.

Гибель Черского ждет впереди,
Доконают героя недуги...
Все равно он намерен идти
Лишь на север, во имя науки!..
На могилу ложатся снега
В диком царстве мороза и снега,
Но века будет жить и века
Человек, не проживший полвека!

1968

Полярная звезда

Катилась к берегам глухим
Незнамая вода,
Землепроходцы шли туда,
Неведомо куда,
И путь указывала им
Полярная звезда.

И там, где оставляли след
Давнишние года,
Там комсомольцы наших лет
Воздвигли города,
Струит им свой радушный свет
Полярная звезда.

Каюр спешит из тьмы во тьму
Сквозь вьюги-холода,
И служит компасом ему
Полярная звезда.

Стремятся птицы в отчий дом,
В родимые места —
По солнцу путь находят днем,
А ночью ведает путем
Полярная звезда.

Сияет Млечный Путь, как мост,
Струя свой вечный свет.
На небе много ярких звезд,
Но путеводней нет,
Чем популярная всегда
Полярная звезда.

Как дорогой алмаз, чиста
Среди небесных бус,
Горит Полярная звезда,
Иль Хотугу сулус.

И с тех широт или высот,
Должно быть, неспроста
На Север вновь меня зовет
Полярная звезда.

1968

Жизненный опыт

Семнадцать, семь в периоде мороза
По Цельсию — ноль по своей шкале
Голландец Фаренгейт считал вполне
серьезно
Температурой низшей на земле.

Его не беспокоил злейший холод,
И, климатом умеренным согрет,
На многолетний жизненный свой опыт
Беспечно полагался Фаренгейт.

Хоть был он выдающимся ученым,
В температурах ошибался так.
Его бы познакомить с Оймяконом,
Наверно, удивился бы чудак!..

Ошибка просвещенного голландца
В Якутии особенно смешна,

Но если в ней серьезно разобраться,
То также поучительна она.

У каждого из нас есть ценный опыт,
Почерпнутый на жизненном пути,
Но слепо доверять ему не стоит:
Как Фаренгейта, может подвести!

1968

Северная Киприда

Шурочке Истоминой

Ложилась первая пороша,
И до весны не жди тепла.
Лед плыл настойчиво, и все же
Она разделась и прошла
В одном купальнике сто метров
До леденеющей воды —
Достойная аплодисментов
Киприда зимней красоты.

Она легко скользнула в воду
И поплыла не торопясь,
И я в такое время года
Увидел превосходный брасс.
Ее спортивная фигура
Была торжественно мила:
Очаровательная Шура
В воде трехградусной плыла.

Она плыла, не леденя,
Смотря с улыбкою на льды...
Я понимал: еще труднее
Ей, мокрой, выйти из воды.
Не откамарить плясовую,
А перейти из этой в ту:
Из плюсовой в минусовую
Температурную среду.

Вся в бусинках алмазно-влажных,
Как эти бусинки, светла,
Пенорожденная, отважно
Из влаги вышла и прошла
До дома теплого сто метров,
Смотря с улыбкою на льды,
Достойная аплодисментов
Киприда зимней красоты.

Гимн клоуну

Я поэт или клоун?
Я серьезен или нет?
Посмотреть если в корень,
Клоун тоже поэт.

Он силен и спокоен,
И серьезномышлен —
Потому он и клоун,
Потому и смешон.

Трудно в мире подлунном
Брать быка за рога.
Надо быть очень умным,
Чтоб сыграть дурака.

И, освоив страницы
Со счастливым концом,
Так легко притвориться
Дураку мудрецом!

1968

* * *

Поэт пути не выбирает,—
Диктуют путь ему года.
Стихи живут, и умирают,
И оживают иногда.

Забыться может знаменитый
Из уважаемых коллег,
И может стать поэт забытый
Незабываемым вовек.

Случиться может так и эдак.
И неизвестно потому:
Кому смеяться напоследок
И не до шуточек кому.

1969

В Шушенском

Когда я очутился в Шушенском,
Себя почувствовал в тот день
Я в окруженье самом дружеском
Средь незнакомых мне людей.
И старожилы, и приезжие,
От взрослых и до детворы,—
Все были чрезвычайно вежливы
И исключительно добры.

Все встречные смотрели ласково,
Как будто всем им был я мил,
И надо всеми нами властвовал
Ничем не омраченный мир.
Ни тени недоверья чуждого
Я в Шушенском не повстречал.
Мне было радостно: я чувствовал
Любовь и дружбу Ильича.

1969

Весенняя дорога

Автобус по шоссе
Идет, куда мне надо.
В лесах деревья все
Весне и солнцу рады.

И радуюсь весне
Я за себя и ближних.
По тающей лыжне
Прошел последний лыжник.

В сияющих лучах,
В ботиночках промокших
Прошел он, весельчак,
Развеселив прохожих.

А я смотрю в окно
И вижу все исправно.

Зима прошла давно,
А кажется, недавно.

И ездить по стране
Хочу я много-много.
Бежит навстречу мне
Весенняя дорога!

1970

Согласие

— Я степь люблю,— сказал в степи
живущий,—

И ты ее, приятель, полюби.

Нет ничего на этом свете лучше

Пшеницы, что волнуется в степи!

Степным раздольям нет конца и края,

Степной простор широк и величав.

Своей родной степи не променяю

На лес и горы. Прав я?

— Да, ты прав!

— Я лес люблю,— сказал тогда
таежник,—

И от лесных угодий не беги.

Нет ничего прекрасней и надежней

Моей бескрайней ласковой тайги!

Великолепна сторона лесная

От хвойных рощ до солнечных дубрав.

Своей родной тайги не променяю
На степь и горы. Прав я?

— Да, ты прав!

— Люблю я горы,— гордо молвил
горец,—

И если ты в горах хоть раз бывал,
Ты согласишься и не станешь спорить,
Что лучше нет моих ручьев и скал!
Сверканье снежных шапок вспоминая
И аромат высокогорных трав,
Своих родимых гор не променяю
На лес и степи. Прав я?

— Да, ты прав!

Шел поезд по великой магистрали,
И собеседники мои в купе
Свои места родные восхваляли,
И каждый честно верен был себе!
И спорить с ними не имело смысла:
Во всех ландшафтах этих побывав,
Я с каждым убежденно согласился,
И каждый согласился,
Что я прав!

1970

* * *

В ручейке не купаюсь — бáлуюсь:
По колено его купель.
Говорят, что в нем водятся хариус
И форель.

Мне не верить — нет основания,
Но в прозрачной его воде
Рыбок этого милого звания
Я не замечаю нигде.

Вероятно, все рыбки выловлены,
И грустят по ним берега,
А возможно, еще не выявлены:
Мимикрия их сберегла!

Серебрится струя между камушками
Сколько весен — потерян счет,

И становятся девушки бабушками,
А ручей все течет и течет.

И водица его поколенная
Чрезвычайно светла и мила,
И сливается с вечным мгновенное
В живописном селенье Ташла.

1970

Неглубокие корни

Почему-то товарищи многие
Полагают, что корни глубокие
Превосходны везде и всегда,
А без них всем деревьям беда.

Говорят о глубоких корнях,
Придают им значение таинственности,
Но я знаю: в таежных краях
Неглубокие корни у лиственницы.

А растет величаво века
Благородная эта красавица.
Ее кроны могучей касаются
Пролетающие облака.

Удивляюсь ее высоте,
Ее ствол с уважением трогаю...
Но по вечной скользят мерзлоте
Ее корни, совсем не глубокие!

1970

Футуристы

Поэты-футуристы,
Артисты-скандалисты,
Мечтавшие о будущем хорошем,
Стиха эквилибристы,
В грядущее туристы —
Все в прошлом, все в прошлом.

Не алость-небывалость,
А старость и усталость
Их захлестнула пошло.
А что у них осталось?
Все, что у них осталось,
Все в прошлом, все в прошлом.

И только строк железки —
Отвертки и стамески,
И гвозди, что забиты,
Не забыты.

И только строк железки
Внушительны и вески,
Как те метеориты,
Как все метеориты!

1970

Майоликовая любовь

Семен силен,
Семен смышлен —
И потому без робости
Шагает после смены он
В цех росписи,
В цех росписи.

А там она
Совсем одна.
Кто? Аня? Фаня? Таня?
Здесь неуместна болтовня,
Пусть сохранится тайна.

Семен смышлен,
Семен влюблен
В красотку чрезвычайно.
Его примером увлечен
Был легковерный чайник.

Когда явился чайник в горн
На обжиг и просушку,
По воле тех флюид и волн
Влюбился чайник в кружку.

К подружке-кружке, как Семен,
Прилип огнеупорно —
И вместе с кружкой извлечен
Был чайничек из горна.

Хотя любовь была крепка,
Как говорит частушка,
Но забракован ОТК
Был чайник вместе с кружкой.

За легкий флирт, амурный спорт
Я подымаю кубок.
Семен в любви силен и тверд,
А чайник слаб и хрупок!

Ипомея

Собственной опоры не имея,
Завивая за венком венок,
По спирали вьется ипомея —
Милovidный голубой вьюнок.

Вьется ипомея к солнцу, к свету,
Бодро колокольцами звенит,
Ничего плохого в этом нету,
Что она растение-паразит.

Плохо то, когда заходит солнце,
Словно испугавшись темноты,
Свертываются все колокольцы,
Превращаются цветы в жгуты.

И ко мне явилась Ипомея —
Голубая женщина одна.

Мило побеседовал я с нею
И распил бутылочку вина.

Добродушно взял ее за плечи,
Выключил традиционно свет,
Но она свернулась: вечер — вечер,
Ипомея мне сказала: — Нет!

1970

Флористы

Зачем художники-флористы
Отвергли тюбики и кисти,
А взяли на вооруженье
Цветы, и стебельки, и листья?
Анютины, к примеру, глазки,
Листы берез, что пожелтели,
Слабей, чем масляные краски,
И уступают акварели.

Однако дело тут не в цвете
И не в оттенках золотистых,
А в том, что пятьдесят столетий
Не ведали таких флористов!
А в том, что только в наши годы,
С машинами и гаражами,
Оторванные от природы,
По ней скучают горожане.

Леса, поля и огороды
Нас вдохновляют по соседству,
И хороши самой природы
Изобразительные средства!..
Не моды выкриком форсистым
Явилась эта вежа века —
И я художникам-флористам
Желаю счастья и успеха!

1970

Честь

«Береги честь смолоду!» —
Справедливо слово то,
Было много раз оно
Там, где надо, сказано.

Но и в зрелые года
Честь твоя — не ерунда,
И ее — об этом речь —
Тоже следует беречь.

А в преклонном возрасте
Честь дороже почести:
Жизнь осмысленна, коль есть
Сохранившаяся честь.

Ну, а после? Ну, а после?..
Если жизнь прошла без пользы,

То от жизни толка чуть:
Остается только жуть.

Люди добрые, поверьте:
Честь нужна и после смерти.
Долговечней жизни честь —
Это следует учесть!

1970

Умометр

Припоминаю. Был я молод
И недостаточно смышлен:
Изобрести хотел умометр,
Который был изобретен.

Я думал про несовершенный
Прибор для измеренья дум,
А телефон обыкновенный
Прекрасно измеряет ум!..

Многоречивость не похвальна,
И, очевидно, потому
Обратно пропорциональны
Минуты болтовни
Уму!

1971

В защиту Фарадея

Чего не скажет женщина во гневе
Про человека, чья душа чиста.
Одна особа жаловалась Дэви,
Что Фарадей не ест лаврового листа.

А Фарадей не грыз лавровых листьев
Лишь потому, что раскусить не мог,
Но он, открыв немало добрых истин,
Себе лавровый заслужил венок!

1971

Когда автор неизвестен...

Пускай нам живописец незнаком,
Он требует подхода осторожного —
И мы его работу назовем
Картиной неизвестного художника.
Он числится в музее, как и тот,
Который славен именем и отчеством,
Его изобразительных работ
Никто не назовет
Народным творчеством.

А поговорку, сказочный сюжет,
Который чрезвычайно занимателен,
Былину тех, частушку этих лет
Должны назвать прозаик и поэт
Трудами неизвестного писателя.

Талантливо творил во все века
Коллега наш, неутомимый праведник.
На главных площадях наверняка
Ему давно пора поставить памятник!

1971

Здравый смысл

Осмысливая ратные дела,
Меняя на кольчугу рясу схимника,
За все века Россия не дала
Ни одного великого алхимика.
Была страна богата иль нища,
Но Новгород Великий или Вологда,
Каменьев философских не ища,
Все золотое делали из золота.

Осмысливая ратные дела,
Готовясь сокрушить любого врага,
За все века Россия не дала
Ни одного великого астролога.
Когда враги навязывали бой,
Тогда, терпя невзгоды и лишения,
По звездам не знакомая с судьбой,
Решала Русь свою судьбу в сражении.

Так жил и мыслил наш простой народ...
Когда степная вражья кавалерия
Против него готовила поход,
Он знал, что не поможет легкоеверие.
А здравый смысл был чрезвычайно

прост

И рассуждал, поглаживая бороду:
Не прочесть судьбы по книге звезд,
Но в трудный час — булат надежней
золота!

1971

Шерсть мамонта

Н. А. Габышеву

Добравшись до фундамента
Прославленной зимы,
Один мой друг
Шерсть мамонта
Прислал мне с Колымы.

Не ведая известности,
Тот мамонт-монумент
Лежал в мерзлотной вечности
Сто двадцать тысяч лет!

О почестях не думая,
Был царственно велик —
И посрамил все мумии
Египетских владык.

Природа мавзолейную
Ему воздала честь,
И шерсть его музейную
Моль не сумела съесть.

Шерсть эту величавую
Мой друг вложил в конверт,
И получил я в авиа
От Колымы привет.

1971

Водопад Кивач

Он то и дело гонит бревна,
Их многотонно перебрав,
Остервенело и любовно
Осуществляет лесосплав.

Он со времен палеолита
Бежит по этим скалам вскачь,
Неистовый и знаменитый
Волшебный водопад Кивач.

Так, низвергаясь ошалело,
Он по душевной простоте
Наполовину служит делу,
Наполовину — красоте.

Так и поэт, который смело
Своей доверился мечте,

Наполовину служит делу,
Наполовину — красоте.

Так и поэт, веселый автор,
Слова чеканя и граня,
Творит свои стихи для завтра
И для сегодняшнего дня.

1971

Читатель

(Подражание самому себе)

Он видел изюбра и зубра
И зебру брал бодро за жабры,
Ловил скорпионов и зубы
У кобры выдергивал храбро.

В местах удивительно гиблых,
Где выли шакалы и волки,
Успешней, чем Байрон и Киплинг,
Шагал неустанно и бойко.

Акулу хватал он за скулы,
Влезал на отвесные скалы
И там, где другие тонули,
Сбирал жемчуга и кораллы.

Бывал в Верхоянах, в Саянах,
В саваннах простора мирского —
И на четырех океанах
Читал Николая Глазкова!

1972

Фотографируйтесь!

Хорошо, что солнце светит в марте.
Отмечая радостно весну,
Не играйте в домино и в карты,
А фотографируйтесь в лесу!

Вы пока в расцвете и в зените,
Отгоните бесполезный страх:
Лишнюю одежду всю снимите
И фотографируйтесь в трусах!

Обязательно снимите обувь —
Похвалиться сможете потом:
Возле синеватого сугроба
Смело снег топчите босиком!

Вы пока в зените и в расцвете,
Старость не берет вас за бока,

Радуйтесь тому, что есть на свете
Фото на грядущие века!

Чтобы после ваши дети, внуки,
Проходя по мартовским лесам,
Забывали про свои недуги
И усердно подражали вам!

1972

Ландыши

Ландыши — фарфоровые чашечки —
Хороши в лесу,
Где поют приветливые пташечки,
Пчелы пьют росу.

Веет ароматами от ландышей
В зной перед грозой,
И гордятся ландыши взаправдашной
Красотой лесной.

Ну, а ежели поставить в вазочку
Ландышей букет,
На ночь вам они лесную сказочку
Не расскажут, нет!..

А когда вольется пробуждение
В утренний прибой,

Вы почувствуете от растения
Головную боль.

Словно накануне вы какого-то
Выпили ерша...

Любит лес дремучий, а не комнату
Ландыша душа!

1972

Гимн Аэрофлоту

Могу признаться, что не сразу
Воздушный транспорт оценил:
На трассах МАЗы или ГАЗы
Мне больше нравились, чем Ил.
И нынче чувствую тревожно
Дыханием и сердцем взлет,
А все-таки всего надежней
На севере Аэрофлот!

Всех выручает он, сердешный,
Своим дюралевым крылом,
И для него сработан здешний
Проселочный аэродром.
Бетона нет — песок да глина,
А дождь пошел, вода — беда,
И превосходная машина
Не приземляется тогда.

Не самолеты виноваты:
Помимо зданий и дорог,
Аэродромы строить надо,
Чтоб ливень их размыть не смог.
Ну и тогда еще успешней
Свои итоги подведет
Незаменимый и сердешный,
Родимый наш Аэрофлот!

1972

Облака

Поэт Бодлер наверняка
Хорошим был поэтом,
Вошел заслуженно в века,
Однако суть не в этом,
А в том, что снизу вверх Бодлер
Смотрел на облака
И их превыше всяких мер
Прославил на века.

Мне жаль Бодлера-чудака:
Он по старинке жил,
А я на эти облака
Смотрю как пассажир.
На них смотрю я свысока —
Не только с высоты,
Не замечаю в облаках
Особой красоты.

Они похожи на снега
И на туманный вздор:
Зря заслоняют облака
Вершины снежных гор.
Зря заслоняют милый лес
И весь земной простор:
Им, тусклым, недоступен блеск
Прекрасных рек, озер!

Наш самолет летит в Якутск,
Но где тайга, луга
И Лена — дивная река?..
Иллюминатор тускл!
Все в серо-белой пелене,
Унылой, как тоска,—
Увидеть мир волшебный мне
Мешают облака.

О, если б выше облаков
Бодлер подняться мог!
Увидел бы без облаков,
Как этот мир широк.
И был бы очень огорчен

Старик наверняка,
Когда б, как я, со всех сторон
Увидел облака!

1972

Ленская тайга

Как влюбленный литератор
На бескрайнюю тайгу
Я смотрю в иллюминатор —
Оторваться не могу.
С высоты полукёсной¹,
А отнюдь не свысока,
Я смотрю на брег утесный,
На тайгу и на луга.

Над равниной изумрудной,
Стороной береговой,
Удивительно безлюдной,
Веет вечной тишиной.
Вдохновенно и степенно
Сквозь просторы и века

¹ Кёс — старая якутская мера длины, равная примерно десяти километрам.

Протекает Лена, Лена —
Несравненная река.

Вижу с Ила-18
Золотистые пески.
Мне не надо сомневаться:
Нет волшебнее реки!
Эти радостные воды,
Из Москвы в Якутск стремясь,
Видел трижды с парохода,
С самолета — в первый раз.

Хорошо, что под ногами
Не толпятся облака,—
У меня перед глазами
Чистоструйная река.
Четырехмоторный, гордый
Самолет пошел на спуск —
И охотно раз в четвертый
Прибываю я в Якутск.

Волшебная Амга

В. Ф. Афанасьеву-Алданскому

У берега вода чуть-чуть мутна,
А дальше или глубже глубина
Не глубиною кажется, а мелью.
Плыву, не достаю ногами дна,
А мель иль отмель в глубине видна
И вызывает у меня веселье.

Амга прозрачна, словно Иордан,
И действует оптический обман:
Дно, кажется, легко достать рукою!
Другой обман прозрачной красоты:
Не замечаю холода воды,—
С такою подружился я рекою!

С природой так и следует дружить —
Она способна многое внушить,
Когда волшебна и великолепна.

Мне не страшна студеная вода,
И заморозки — тоже ерунда,
А красота и в холода целебна!

1972

Верхоянский гост

Я подымаю свой чорон¹
За красоту глухих сторон,
За Верхоянский край-район,
Якутию в Якутии!
За тишину страны лесной,
За золотой июльский зной,
Сияющий голубизной,
Не за морозы лютые!

За заполярный этот край,
За благодатный летний рай,
И за цветущий иван-чай,
И за лесную ягоду!
За Яну, что струится с гор,
За чистоту лесных озер

¹ Ч о р о н — сосуд для питья кумыса, в данном случае кубок, бокал.

И за ласкающую взор
Сверкающую радугу!

За рыб озерных и речных,
За птиц и за зверей лесных,
За блеск металлов россыпных,
За олово, за золото!
За минерал касситерит,
За все, что полночь озарит,
За край, который не обжит
И выглядит так молодо!

За рост обжитых площадей,
И за строительство путей,
И за трудящихся людей
На северном безлюдии!
За милый лиственничный гай,
За Верхоянск, за Батагай,
За весь обширный этот край —
Якутию в Якутии!

За Полярным кругом

Не померзну летом тут,
За Полярным кругом:
Одуванчики цветут
За Полярным кругом.
Может пестренький ковер
Называться лугом —
И шиповничек расцвел
За Полярным кругом.

Суждено цветам цвести
За Полярным кругом.
Созревают огурцы
За Полярным кругом.
Созревают огурцы,
Но, как говорится,
Созревают молодцы
В пленочной теплице.

Созревают — и кажут
Всяческим недугам:
Люди все-таки живут
За Полярным кругом!

1972

Озеро Хомустах

Все путевые трудности
Выглядят как пустяк
У голубой изумрудности
Озера Хомустах.

В береговые линии,
В эллипсы и круги,
Мудро природа вклинила
Милые островки.

Словно творенье художника,
Озеро Хомустах,—
Столько всего хорошего
В этих веселых местах!

Смотрят деревья высокие
В чистое зеркало вод.

С зеленокосой осокою
Стройный камыш живет.

Мы искупались дивно
В озере Хомустах
И отдохнули активно
У красоты в гостях.

*Усть-Алданский район
1972*

Сасыл-Сысы

Кажется, что милая Амга
Создана из капелек росы.
От нее совсем недалеко
Путь-дорога на Сасыл-Сысы.

Серебрится красный иван-чай,
Колосятся зрелые овсы,
И сияет в солнечных лучах
Лес дремучий у Сасыл-Сысы.

Дмитрий Логвинов, экскурсовод,
Нас выводит на Сасыл-Сысы,
Где держался легендарный Строд,
Где качнулись времени весы.

Холод злой февральский не щадил,
Индевели щеки и носы,

Но держались до последних сил
Красные бойцы Сасыл-Сысы.

Им конины крохотный кусок
Доставался в редкие часы.
Был от гибели на волосок
Красный гарнизон Сасыл-Сысы.

Пепеляев, белый генерал,
Раздраженно тербил усы:
Восемнадцать суток осаждал,
Только взять не мог Сасыл-Сысы.

И зимой, и в августовский день,
В пору увядающей красы,
Можно встретить взрослых и детей,
Посещающих Сасыл-Сысы.

Луг, поросший сочною травой,
Назван был Поляною Лисы.
Памятником славы боевой
Стала навсегда Сасыл-Сысы.

Олёкминская уха

Олёкма — чистота прозрачных вод,
Где рыбка завсегда плывет, живет.

Олёкма — высота таежных скал,
На водопой сюда излюбр скакал.

Олёкма — плёс и резвая струя,
Сто тридцать верст — ни одного жилья.

Олёкма. Вот раздолье рыбакам,
Таким, как Петр, Егор и Аффрикан.

Им надо сеть тянуть, а я могу
Разжечь костер на сонном берегу.

Собрал я сор, бересту и плавник —
Взыграл костер, велик и огнелик.

Костер, светлей гори и полыхай,—
Кишит в ведре рыбацкая уха.

Знаток ухи, хлебать ее берусь:
В ней с привкусом тайги Олёкмы вкус!

1972

Священные деревья

Я не вижу в этом суеверья,
В том, что есть священные деревья,
В том, что окружают их оградами,
В том, что награждают их наградами:
Лоскуточком, разноцветной лентой
Иль разменной медною монетой.

Я не вижу в этом суеверья,—
Хороши священные деревья:
Отличаются завидным ростом,
Атлетическим телосложением,
Красотою или благородством
И лица необщим выраженьем.

Очень хорошо, что их не рубят,
Очень хорошо, что их не губят,

Потому что уважают, любят,
Украшают, всячески голубят.

Я не вижу в этом суеверья,
В том, что есть священные деревья,
Так священны дивная природа
И святая собственность народа!

1972

* * *

Ноябрь. Опять рассветы мгlistы,
Волнисты облака.
Последние ложатся листья
На первые снега.
Зима грядет, как забияка,
От северных сторон.
Земле из знаков Зодиака
Всех ближе Скорпион.

И в эту серость дней ненастных,
Знаменами горя,
Вторгается могучий праздник
Седьмого ноября.
И в сумрачное время года
Мир празднично согрет.
Вот так среди пустой породы
Сверкает самоцвет!

1972

Песня трубача

Пришло извещение о смерти,
о смерти,
о смерти,—
Не верьте, сначала проверьте,
проверьте,
проверьте!

Известие это не то, нет,
не то, нет,
не то, нет!
Морская пехота не тонет,
не тонет,
не тонет!

Пропал твой товарищ.
Ты знаешь!
Скорбишь и страдаешь.

**У памятника
латышским красным стрелкам**

На площади большой
Стройны и высоки,
Стоят передо мной
Латышские стрелки.
Побившие врага,
Вошедшие в века,
Народам всем близки
Латышские стрелки!

И в злой мороз, и в зной,
Когда цвели жарки́,
Держали красный строй
Латышские стрелки.
Эсеровский мятеж,

Тревожные деньки,
Но в бой вступали те ж
Латышские стрелки!

И там, где мор и глад,
Ни соли, ни муки,
Безжалостных блокад
Железные тиски,
Рыдали поезда
От горя и тоски —
Шли именно туда
Латышские стрелки!

Во всех краях земли
Дрожали беляки,
Когда в атаку шли
Латышские стрелки.
Свой чуяли разгром
Противника полки
При имени одном:
«Латышские стрелки»!

Седины молодым
Украсили виски:

Прошли огонь и дым
Латышские стрелки.
От прибалтийских рек
И до Амги-реки
Прославлены навек
Латышские стрелки!

Рига

1973

Сосны Рижского залива

Такие сосны вижу тут!
Они у самого у моря,
Легко с прибойным ветром споря,
Единоборствуя, растут.

Желали бы они себе
Избрать местечко поспокойней,
Где обретают ствол и корни
Успокоенье не в борьбе?..

Любовь к родной стране сильна
И у людей, и у растений.
Нет стран милей и совершенней
У латышей, чем их страна!

1973

Положение обязывает

Круша стволы и ветки,
Верша набег на брег,
Балтийский буйный ветер
Свистит, как человек.
И падают на берег
Пушистеньких песков
Десятки тысяч белых
Волнистых гребешков.

На пляже много люда,
Почти что все в пальто...
Но если я не буду
Купаться в море, то
В прибойную минуту
Полезет в воду кто?

Денек не дюже светел...
Знаток якутских рек,

Вхожу я в волны эти
И радую коллег!..
Пускай балтийский ветер
Свистит, как человек!

Дубульты
1973

Песня разлуки

(Из кинофильма «Романс о влюбленных»)

Печальной будет эта песня
О том, как птицы прилетали,
А в них охотники стреляли
И убивали птиц небесных.

А птицы падали на землю
И умирали в час печали,
А в них охотники стреляли
Для развлечения и веселья.

А птицы знали-понимали,
Что означает каждый выстрел,
Но неизменно прилетали
К родной тайге у речки быстрой.

И не могли не возвратиться
К родимой северной округе,
И песню горестной разлуки
Весной веселой пели птицы.

А в них охотники стреляли
И попадали в птиц, не целясь.
И песню скорби и печали
Весной веселой птицы пели.

1973

Доброта

За добротой побрел в леса,
Туда, где благодущны воды,
Радушны лиственные своды,
Разумны птичьи голоса.

Хранила доброта свой след
На всех деревьях, листьях, травах,
На ручейковых переправах
И на легендах давних лет.

Не для тщеславной чепухи,
Не ради позы или жеста
Она должна войти в стихи
И сообщать им совершенство!

1974

Начало Руси

Русь — градарик, городов гряда,—
Так со шведского переводили,
Чепуху при этом городили,
Зря притягивали города.
Потому я утверждать берусь,
Что потуги лженауки жалки,
А загадочное слово «Русь»
Происходит от речной русалки.

Русский человек, живя в лесу,
Лес любил, конечно, но не очень:
То медведь вдруг задирает козу,
То коня терзала стая волчья.
И, живя в степи, любить не мог
Русский человек степей широких:
По степям то Запад, то Восток
Посылали недругов жестоких!..

Но отлично русский человек
Понимал, что вольность там, где волны,
И к русалочьим просторам рек
Относился нежно и любовно.
Виртуозно веслами владел,
Проходил под парусом прекрасно,
Потому что только на воде
Чувствовал себя он безопасно,
Потому что разгонялась грусть
На роскошной утренней рыбалке,
Потому что расцветала Русь
Только там, где плавали русалки!

1974

Старый Тамбов

Когда цветущею весной
Я прохожу по Набережной,
То вижу город расписной,
Давнишний или давешний,
И может быть, не так давно
Тут домики построены,
Но все равно, но все равно
Они куски истории.

И вероятно, каждый дом
Здесь не вершина зодчества,
Но что-то есть такое в нем
От мастерства и творчества
И от того, что величать
Советует фантазия,
Лежит на домиках печать:
Печать своеобразия.

Пусть тот микрорайон хорош,
Который должен вырасти,
Но в старом городишке все ж
Черты неповторимости,
И потому наверняка
Старинные творения
И на года, и на века
Достойны сохранения!

1974

Хохлома

Ольге Павловне Лушиной

Стоит студеная зима,
Снежинки крутит буйный ветер,
А солнечная Хохлома
Напоминает нам о лете.
Грустят деревья и дома,
Невесел минусовый градус,
Но сохраняет Хохлома
В рюмашках, в ложках, в плошках
Радость!

Ладья. Цветущий хвост — корма,
Нос — петушинная головка.
Плывет по лету Хохлома,
Расписанная очень ловко.

Бочонок солнечен весьма,
На нем цветы и земляника —
Семеновская Хохлома
Вся золотисто-краснолика.

В тарелочках не полутьма,
Не сумрак в вазах и солонках,—
Напоминает Хохлома
Родную, милую сторонку,
Где роци словно терема,
Где резвый Керженец струится...
Как солнце в небе, Хохлома
Ясна, чиста и круглолица!

1974

Веселый человек

Везла лошадка санки,
Скрипел под ними снег,
На санках ехал Санька —
Веселый человек.

С ухваткой и осанкой
В райком и в районо
На санках ехал Санька,
Кричал лошадке: — Но!..

Но новые порядки
Внесло течение лет:
Не стало той лошадки,
И санок тоже нет.
Давно сгорели санки,
Их заменил «Москвич»,
И Санька тот не Санька,
А Александр Фомич.

Он в городах и в селах
Веселым людям мил
За то, что нрав веселый
Ему не изменил.
В столицу иль в станицу
Веселого влечет,
Веселую страницу
Он радостно прочтет!

1974

* * *

С. Н. Глазкову

Невзгоды сокращают наши годы
И губят превосходные труды.
Нас отравляют вредные отходы —
Дурной цивилизации следы.

И только у красавицы природы
Избавиться мы можем от беды.
Не существует истинной свободы
Без солнышка, деревьев и воды!

Айсоры, персы, греки, сарацины
Успехи признавали медицины,
Врачи приносят пользу иногда...

А все-таки полезнее гораздо,
Чем самые добротные лекарства,
Обычная студеная вода!

1974

* * *

В прямом и переносном смысле слова
Противный ветер дует против нас.
От ветра, нехорошего и злого,
Страдало человечество не раз.

Но глупый ветер, веющий сурово,
Как уголь и дрова, и нефть, и газ,—
Разумной энергетики основа,
Хранит в себе энергии запас.

Вихрь заполярный, холодящий душу,
Продрогшим людям приносящий стужу,
Способен вырабатывать тепло.

И самые свирепые стихии,
Со всех сторон нелепые, плохие,
Умело можно обращать в добро!

1974

* * *

У нас так любят переименовывать
Скоропостижно и неосторожно..
Но старое название от нового
Здесь отличить, пожалуй, невозможно.

Святые горы — Пушкинские горы!..
Холмы, равнины и леса густые,
И голубая Сороть, и озера,
Коль Пушкинские, то вдвойне Святые!

1975

* * *

Пушкин, как никто, умел смеяться,
Обличать, скорбеть и ликовать.
Пушкин права не имел стреляться:
Собственной жизнью рисковать!

У поэта правды и свободы
Каждая волшебная строка
Для него звучала только годы,
А для нас она звучит века!

1975

* * *

Когда желанная весна
Опять звенит в лесу и в поле,
Лазоревая новизна
Ее растений снова в холе.

Сосна, освободясь от сна,
Теперь не унывает боле,
А расцветает в новой роли.
Роскошна радость и ясна.

Шикарна вешняя природа,
И можно в это время года
Нам выбрать лучшие пути:

Отправиться на всякий случай
В великолепный лес дремучий,
У трех берез сморчки найти!

1975

Роман-Кош

Есть в Крыму вершина Роман-Кош,
На нее ведут дороги-петли.
Крым объездишь, выше не найдешь,
Только популярнее Ай-Петри.

И поэт у нас не тот хорош,
Кто на самом деле самый лучший.
Малопопулярный Роман-Кош
Вспоминаю я на всякий случай.

1977

Философы Боспорского царства

Эпикуреец жалеет,
Что в юности стойком не был,
Часто болеет
Под самым безоблачным небом.
Хочется выпить ему —
Больше не может уже.
И, может быть, потому
Грусть у него на душе.

Стойк жалеет,
Что в юности был он аскетом,
Ждал, что созреет,
И радость держал под запретом.
Он не изведал любви.
Кто полюбит теперь старика?
Юность зови —
Отзовется уныло тоска.

Скептик жалеет,
Что в том и в другом сомневался
И на заре лет
Не ведал ни драмы, ни фарса,
Не испытал ни волнения страсти,
Ни тихого счастья,
Не был ни рьяным, ни резвым,
Ни пьяным, ни трезвым.

Сетуют старцы:
С иллюзией трудно расстаться —
Слыли всю жизнь мудрецами,
А оказались глупцами!

1977

Компьютер

Когда-нибудь сумеет ЭВМ
Стать актуальным автором поэм,—
Случится это в недалеком будущем.
А люди изменяются в наш век,
Не потому ль среди своих коллег
Встречаю я компьютеров, компьютершей?

Один из них лишен великих дум,
Ему важней аплодисментов шум,
Переходящий иногда в овацию,
А истину охотно он предаст,
Как неудобный, тягостный балласт,
Мешающий словесной спекуляции.

Достаточно пронырлив и хитер,
Стихи читает лучше, чем актер,

И обладает электронной памятью.
В аудиторию любую вхож.
Потребуется — будет он хорош
Литературно-конъюнктурной праведью.

А надо, так прилежной левизной
Взмахнет, как белоснежной белизной,
Над обывательски мещанской серостью,
Чтоб обыватель, мещанин, пижон
Был восхищен, а также поражен
Его новейшей вольтерьянской смелостью.

Он популярен, как кинозвезда,
И не сойдет с зенитного поста,
Своею популярностью орудуя.
Душа пуста, и совесть не чиста,
Но заgrimировался под Христа,
И не заметят — может стать Иудою.

Такая у него бушует пруть,
Желает он казаться, а не быть,
И справедливым, даже добрым кажется.
Но потекут потоки вешних вод,
И мода на его снега пройдет,
Другая мода лучшею окажется.

А кто его заменит? Вот вопрос!
Не краснощекий древний Дед-Мороз,
Не черноглазый волосатый юноша,
Не поэтесса стареньких богем,
А новенькой системы ЭВМ —
Полупроводниковая компьютерша.

Не оборвется вечной моды нить,
И стихотворцев многих заменить
Сумеет электронная красавица.
Кому-то слыть при этом в знатоках,
Быть в дураках, а в будущих веках
Поэзия поэзией останется!

1977

* * *

Коснусь серьезного вопроса
И никого не оскорблю:
Я не люблю стихов. А прозу?
А прозу тоже не люблю.

У нас и горцы, и поморцы,
От Балтики до Командор
Зовут поэтом стихотворца,
Артистом числится актер.

Осмысленного нет порядку,
Порядочного смысла тут:
Так бабушку-официантку
Пропойцы девушкой зовут.

Поэт, достойный славы, чести,
Бывает часто не в чести́,

А он, действительный гроссмейстер,
Способен истину спасти.

И в дни, когда трещат морозы,
И в дни, когда звенит листва,
Я не люблю стихов и прозы,
В которых нету мастерства!

1977

К р а т к о с т и ш ь я

1

Всем смелым начинаньям человека
Они дают отпор.
Так бюрократы каменного века
Встречали первый бронзовый топор!

2

Годы отходят в сторону,
Нет остановок и пристаней.
Все гениально устроено,
Если всмотреться пристальней.

3

Золотистый маленький кусок
Море выбросило на песок.
Оказалось: не янтарь — стекло.
Даже море обмануть могло!

4

Он помнит чудное мгновенье
Не пьянства, а опохмеленья
Лишь потому, что очень часто
Не помнит он мгновенья пьянства.

5

Проснулся критик утром рано,
Прочел немало разных строк,
Но гения от графомана
Он отличить никак не мог!

6

Исканья
Из камня.
Изделия
Из дерева.

7

Не все сложное —
Ложное.
Не все простое —
Пустое.

8

Один поэт:
 — Учусь
 У чувств.—
 Другой поэт:
 — Учись
 У числ!

9

Искусство бывает бесчувственным,
 Когда остается искусственным,
 А может стать сильным и действенным:
 Искусство должно быть естественным!

10

Что такое стихи хорошие?
 Те, которые непохожие.
 Что такое стихи плохие?
 Те, которые никакие.

11

Средь камней, растеньями увитых,
 Змей попадались нам не раз.
 Мы бы змей боялись ядовитых,
 Если б змеи не боялись нас!

12

Землю рыл искатель клада,
Занят был ненужным делом,
А вскопай он землю сада,
Уж давно б разбогател он!

13

Дом, который много стоил,
Походил на Парфенон,
Но отнюдь не красотою,
А количеством колонн.

14

Родник журчал, что он велик,
Про то же пел его двойник,
Но если бы не родники,
Великой не было б реки!

15

Над ним невзгода не нависла,
Везло ему и до, и после:
Он счастлив был, когда женился,
И счастлив был, когда развелся!

16

Увидя телеграфные столбы,
Один балбес решил, что это лес,
И начал возле них искать грибы.
То был цивилизованный балбес!

17

Троллейбус, голубой такой, как глобус,
Куда приятней, чем любой автобус.
Совсем не потому, что голубой,
Но в нем я познакомился с тобой!

18

Из рюмочек хрустальных и стеклянных
Я коньяки и вина часто пью,
Но не люблю, не уважаю пьяных,
А трезвенников тоже не люблю!

19

Жил да был один кувшин,
Он хотел достичь вершин,
Но не смог достичь вершин,
Потому что он кувшин.

20

Возможно, будет речь моя резка,
Но, полагаю я, не все едино:
Так осетрина — это не треска,
Треска — не осетрина!

21

О скуке говорить не будем:
Всего скучнее скучным людям!

22

Если б ты стал футболистом,
А не в поэты пошел,
Самый широкий читатель
Знал бы тебя хорошо!

23

Скажу неискренно —
Пройдет бесследно,
А смерть бессмысленна,
А мысль бессмертна!

1936—1977

Содержание

Необычность обычного (<i>Предисловие</i> <i>Н. Старшинова</i>)	3
---	---

СТИХИ

«Люди бегут на лыжах...»	15
Ворон	17
Моим друзьям	19
«Был легковерен и юн я...»	21
Дорога далека	22
Другу	24
Два стихотворения	25
Эпилог	27
Слово	28
«Не размышляя о потомках...»	29
«Это было на озере Селигер...»	30
Боярыня Морозова	32
«От ерунды зависит многое...»	34
Кольцо	35
Первое знакомство с Казахстаном	37
Ташкент 1947 года	39

«Рыба преисполнена доверья...»	41
«Я не люблю, когда слова цветисты...»	42
Белинский	43
Волшебник	45
Вступление в поэму	47
Поэт и милиционер	49
«На ветках крохотных берез...»	51
Мужик	53
Философский разговор	55
«Ты, как в окно...»	57
Правда	59
Про рыцарей	61
Про чертей	64
За новое счастье!	66
За мою гениальность!..	68
По поводу зависти	70
Тапочки	72
Морская волна	75
Из Фирдоуси	77
Паук и орел	79
Летний ливень и осенний дождь	80
Мечта	82
Вопросы и ответы	86
Чтоб знать...	88
Волгино Верховье	90
Афанасий Никитин играет в шахматы	94
Поговорка	97
«Боксер побил шахматиста...»	100
Царь природы	102
«Овсюг, который в поле рос...»	104

Про пожары	105
Существует ли разногласье?	106
Два пассажира	107
«Раннее утро. Москва тиха...»	110
На его бы месте	112
Зимнее утро	115
Заповедная роща	116
Изменение к лучшему	118
Выбирающим себе специальность	119
Сила стиха	121
«Светлее облака и снега...»	122
Кара-Даг	124
Кочевья	126
В защиту кваса	128
Майская зелень	129
«Люблю тебя, когда весна...»	130
«Жил да был один товарищ...»	132
«Поехать надо нам на лоно...»	133
Белая ночь	134
Утро в Сергеляхе	135
Пусть не горит тайга!	136
Про Макара	138
Чучуна	140
История города Комсомольска	142
Цвет океана	144
В любую погоду	145
В февральском лесу	147
О литературных влияниях	150
«Естественно очень, что бюрократизм...»	151
Шампиньоны	152

Ленский закат	154
Бестях — Майя	155
Покровская набережная	157
Якутск	159
Кедровник	161
Про бурундука	162
Российское дерево	163
«Был Лермонтов поэт великий...»	164
Великолепье	165
Реставратор	166
«В девятом веке или раньше...»	167
Новгородская грамота	168
Мое отношение к болезни	170
«Рассчитывая на успех...»	172
Суд времени	173
«Заметил скептик: — Вероятно...»	175
«Дождь-ливень хлынул. Затопила...»	176
«Когда температура ноль...»	177
Нюргусун	178
Землепроходцы	180
«Ночь удивительного облика...»	182
Обычные дожди	183
Непозорное бегство	185
Почему?	186
«Ни дня без строчки! — Нужен ли поэту...»	188
Приятелю-волжанину к пятидесятилетию	189
Первопуток	191
Гибель Черского	192
Полярная звезда	194
Жизненный опыт	196

Северная Киприда	198
Гимн клоуну	200
«Поэт пути не выбирает...»	201
В Шушенском	202
Весенняя дорога	203
Согласие	205
«В ручейке не купаюсь — балуюсь ..»	207
Неглубокие корни	209
Футуристы	210
Майоликовая любовь	212
Ипомея	214
Флористы	216
Честь	218
Умометр	220
В защиту Фарадея	221
Когда автор неизвестен...	222
Здравый смысл	224
Шерсть мамонта	226
Водопад Кивач	228
Читатель	230
Фотографируйтесь!	232
Ландыши	234
Гимн Аэрофлоту	236
Облака	238
Ленская тайга	241
Волшебная Амга	243
Верхоянский тост	245
За Полярным кругом	247
Озеро Хомустах	249
Сасыл-Сысы	251

Олёкминская уха	253
Священные деревья	255
«Ноябрь. Опять рассветы мгlistы...» . . .	257
Песня трубача	258
У памятника латышским красным стрелкам	260
Сосны Рижского залива	263
Положение обязывает	264
Песня разлуки	266
Доброта	268
Начало Руси	269
Старый Тамбов	271
Хохлома	273
Веселый человек	275
«Невзгоды сокращают наши годы...» . . .	277
«В прямом и переносном смысле слова...» .	278
«У нас так любят переименовывать...» . .	279
«Пушкин, как никто, умел смеяться...» . .	280
«Когда желанная весна...»	281
Роман-Кош	282
Философы Боспорского царства	283
Компьютер	285
«Коснусь серьезного вопроса...»	288
К р а т к о с т и ш ь я	290

Глазков Н. И.

Г52 Избранные стихи / Предисл.
Н. Старшинова.— М.: Худож. лит.,
1979 — 301 с.

В книгу включены избранные стихи, написанные за сорок лет и вошедшие в десять сборников Николая Глазкова. Настоящее издание является наиболее полным сводом произведений поэта.

Г $\frac{70402-224}{028(01)-79}$ —89-79

Р2

Николай Иванович Глазков

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

Редактор *Н. Крюков*

Художественный редактор

Ю. Боярский

Технический редактор

Л. Вецкувене

Корректоры

М. Пастер, Т. Крылова

ИБ № 1505

Сдано в набор 16.11.78. Подписано в
печать 17.04.79. А11630. Формат
84×108^{1/64}. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Обыкновенная новая».
Печать высокая. 7,98 усл. печ. л.
5,712+1 вкл.=5,753 уч.-изд. л. Тираж
25 000 экз. Заказ 8—252. Цена 80 к.

Издательство

«Художественная литература»

Москва, 107882, Ново-Басманная, 19

Книжная фабрика «Жовтень» РПО
«Поліграфкнига» Госкомиздата УССР.
Киев, ул. Артема, 23а.

